

Александр Аввакумов

Смерть
приходит
на
рассвете

Александр Аввакумов

Смерть приходит на рассвете

«Автор»

2026

Аввакумов А. Л.

Смерть приходит на рассвете / А. Л. Аввакумов — «Автор»,
2026

Двадцатые годы прошлого столетия. Разруха и голод. В стране, как
костры вспыхивают крестьянские восстания. Вопрос поставлен - кто кого.
Произведение посвящено кровавому подавлению восстания крестьян
Тамбовской области.....

© Аввакумов А. Л., 2026

© Автор, 2026

Александр Аввакумов

Смерть приходит на рассвете

СМЕРТЬ ПРИХОДИТ НА РАССВЕТЕ

Шли последние дни октября 1920 года. Евгений Варшавский сидел за столом и смотрел в окно, за которым тихо властвовала осень. Дождь, начавшийся еще накануне, продолжал по-прежнему стучать в окно, а затем, словно обессилев и осознав невозможность проникнуть в дом через окно, бесшумно скользил по стеклу, образуя небольшие ручейки, которые стекали куда-то вниз, исчезая в больших лужах, что образовались около дома. Порыв ветра, сорвав последние листья со старой яблони, что росла под окном дома, швырнул их на землю, а затем погнал по большой луже в сторону от калитки, к дому, окрасив ее желтой краской.

Евгений оторвал свой взгляд от окна и, достав из пачки папиросу, закурил. Вчера днем он приобрел по случаю две пачки папирос на небольшом рынке, который образовался около железнодорожной станции. На этой «толкучке», как называли его местные жители, можно было приобрести практически все: от оружия до игральных карт. Около ворот, что вели на рынок, белел приклеенный на клейстер лист бумаги. Он остановился и начал читать. Это был приказ местного совета, который предписывал бывшим офицерам, казакам и солдатам бывшей Добровольческой армии встать на учет в специальном отделе совета. В случае уклонения местная власть грозила тюрьмой.

«Нашли дураков», – подумал Евгений и сорвал листок с тумбы для объявлений.

Опираясь на трость, Варшавский направился в сторону дома. Он медленно обходил большие лужи, стараясь не испачкать до блеска начищенные сапоги.

– Стой! – раздался за его спиной мужской голос. – Я кому говорю, стой!

Он обернулся. Перед ним стояли двое мужчин в гражданской одежде с винтовками за плечами.

– Кто такой? Документы! – потребовал мужчина в черном демисезонном пальто.

– В чем дело, товарищи? – спросил он, обращаясь к мужчинам.

– Документы есть?

– Несомненно.

Варшавский расстегнул верхние пуговицы шинели и, сунув руку внутрь, достал из кармана вчетверо сложенный листок бумаги.

– Вот мои документы, – произнес он и протянул бумагу мужчине.

Мужчина развернул листочек и начал читать. Похоже, он был не слишком силен в грамоте, и Евгений с интересом наблюдал, как тот шевелит своими тонкими губами.

– Офицер? – спросил его все тот же мужчина.

– Бывший, – уточнил Варшавский, – а ныне заместитель командира полка Красной армии. Нахожусь в отпуске по ранению.

Мужчина, молча, сложил бумагу и протянул ее Евгению.

– Можете идти. На всякий случай, не забудьте зарегистрироваться. Что ни говори, вы все же бывший офицер императорской армии.

– Спасибо, товарищ, – ответил Варшавский и, застегнув шинель, двинулся дальше по улице.

Дома никого не было. Он открыл замок своим ключом и вошел в прихожую. Сняв шинель, прошел в комнату. За окном снова пошел мелкий осенний дождь. Он монотонно застучал по стеклу. От этого шума дождя в комнате моментально стало сыро и прохладно. Евгений открыл дверцу печки и сунул несколько березовых чурок. Достав из кармана галифе спички, разжег печь. Пламя охватило сухие чурки и весело затрещало в печи. Варшавский пододвинул к печи стул и, сев на него, с наслаждением вытянул ноги. Он смотрел на пламя,

которое с жадностью пожирало эти березовые чурки, мысленно представляя, что это пламя революции с такой же яростью и беспощадностью пожирало человеческие души.

«Нужно уходить, – решил он. – Остаться в этом небольшом городке опасно».

Он вспомнил об этой уже немолодой женщине, которая не только спасла его от смерти, но выходила его и дала ему кров. Это она, работая в госпитале, смогла ему достать этот документ на имя Алексея Самохина, командира Красной армии. Евгений закрыл глаза. Ему вспомнился его последний бой с окружившими дом чекистами. Плен, допрос, который вела с ним Катерина, ее красивые глаза, полные любви и ненависти к нему.

«А ведь она могла тогда меня пощадить, – подумал он. – Могла, но для нее революция была дороже любви».

Он усмехнулся, вспоминая, как глупо было с его стороны искать с ней встречу, как не раз он ее щадил...

В прихожей скрипнула дверь. Евгений открыл глаза и посмотрел на дверь, ведущую в прихожую.

– Добрый день, Надежда Алексеевна, – поздоровался он с хозяйкой.

– Добрый, Евгений, – ответила она. – Чаю хочешь?

Она прошла на кухню и налила воду в чайник. Поставила чайник на плиту и, пододвинув стул, села рядом с Варшавским.

– Ты знаешь, Женя, в городе расклеены объявления о регистрации бывших офицеров, казаков и солдат добровольческой армии. Не вздумай регистрироваться, – предупредила она его. – Я слышала от людей, что всех, кто встанет на учет, арестуют.

– Вы правы. Большевики без крови жить не могут. Вот она, классовая борьба, о которой так много говорил Ленин. Мы враги им, даже те, кто не дрался с ними.

– Я боюсь, Женя. Мне страшно от того, куда катится Россия. Когда-нибудь закончится все это или нет?

Она замолчала. На ее глазах выступили слезы.

– Я завтра уйду, Надежда Алексеевна. В городе сейчас оставаться опасно.

– Куда же ты пойдешь, Женя? Патрули кругом...

– Городов в России много.

На плите закипел чайник. Хозяйка сняла его с плиты и прошла с ним на кухню. Через несколько минут она вернулась с подносом, на котором стояли чашки с налитым чаем и небольшая вазочка с кизилевым вареньем.

– Садись к столу, – пригласила она Варшавского.

– Вы знаете, Надежда Алексеевна, я никогда не забуду то, что вы для меня сделали. Пока я буду жив, я всегда буду молиться за вас.

– Что ты, Евгений. Какая благодарность? Просто нужно жить по-христиански. Разве я могла допустить, чтобы человек умер в этом овраге? Если честно, я тогда до смерти испугалась, когда услышала стон. Представляешь, грудa тел, и вдруг стон...

– Видно, Бог мне послал вас в тот вечер...

– Все это промысел Божий, – ответила Надежда Алексеевна. – Я, когда поняла, что ты жив, просто растерялась. Я не знала, что мне с тобой делать. Я женщина хрупкая, думаю, не дотащу тебя до дома. Ладно, Григорий дома оказался. У него хоть и худая лошаденка, но все равно лошадь. Мы тогда на ней и привезли тебя ко мне.

Она отхлебнула из чашки и продолжила.

– Занесли мы тебя в дом, положили на койку. Ты весь в крови, страшно было не только тебя обмывать, но даже и глядеть. Я бегом к доктору. Помогите, говорю ему, не дайте человеку умереть. Он сначала не хотел идти, похоже, испугался. А затем все же решился.

Она замолчала. Варшавский смотрел на ее некогда красивое лицо, в глазах которого светились огоньки доброты и сострадания. От этого внутреннего света ему стало заметно теплее. Он моментально вспомнил своих родителей.

– Вот он тебя и заштопал. Это благодаря доктору ты живешь.

– Спасибо вам, люди добрые. Видно, черта милосердия и сострадания не исчезла в русском народе, – произнес Евгений. – Я даже не знаю, чем вам отплатить за все это.

– Ты уже отплатил за все наши хлопоты...

– Чем же я отплатил?

– Тем, что выжил. Разве это не чудо – выжить с такими ранениями?

Надежда Алексеевна улыбнулась.

– Можно, Евгений, я тебя попрошу лишь об одном?

– Да. Если это в моих силах, я выполню вашу просьбу.

– У меня в Москве была сестра. Звали ее Мария. Так вот у нее было двое детей: Семен и Сашенька. Семен учился в юнкерском училище и погиб при штурме Кремля. Осталась лишь дочка. Ей сейчас двадцать лет отроду. Я очень переживаю за нее... Если я попрошу вас помочь мне разыскать ее, вы не откажете мне в этом? Я сейчас покажу вам ее фотографию...

Женщина встала из-за стола и вышла в соседнюю комнату. Вернулась, неся в руках альбом. Она открыла его и достала из него фотографию.

– Вот она, – произнесла Надежда Алексеевна, протягивая ему небольшое фото. – Здесь ей всего шестнадцать лет.

Евгений взял в руки фотографию. С нее на него смотрела красивая юная девушка.

– Красивая девушка, – тихо произнес он.

Хозяйка улыбнулась и с надеждой посмотрела на него.

– Найдите ее. Раньше они проживали по адресу...

Варшавский запомнил адрес. Он поднялся из-за стола и прошел в свою комнату, где стал собираться в дорогу.

Рано утром, простившись с хозяйкой, он вышел из дома и, поправив на голове фуражку, направился по дороге, ведущей в сторону железнодорожной станции. На станции стоял какой-то воинский состав, вдоль которого шел железнодорожник, постукивая своим молоточком по колесам вагонов.

– Товарищ! Вы не подскажете, куда движется этот состав? – обратился к нему Евгений.

Железнодорожник с подозрением посмотрел на Варшавского.

– Зачем вам это знать? Кто вы такой?

– Я раненый командир Красной армии. Возвращаюсь из отпуска по ранению в свою часть в Ростове.

На лице мужчины читалось замешательство. Похоже, он не знал, стоит ли доверять этому молодому мужчине в офицерской шинели. За спиной Евгения послышались тяжелые шаги. Он обернулся. К ним приближался патруль.

– Петр! Это кто с тобой? – обратился к железнодорожнику мужчина, одетый в солдатскую шинель.

– Вот интересуется, куда следует состав. Говорит, что командир Красной армии, возвращается после ранения в свою часть, которая, как я понял, находится в Ростове.

– Документы у вас есть? – обратился к нему солдат, поправив на голове папаху.

– Есть, – коротко ответил Евгений и протянул ему справку из военного госпиталя.

Солдат взял ее в руки и протянул своему напарнику, которому было лет семнадцать.

– Прочитай, Васька, что там написано? – обратился к нему солдат.

Васька прочитал вслух текст и посмотрел на солдата.

– А что вы так рано по станции бродите? Добрые люди еще спят, а вы здесь шляетесь?

– Вот решил пораньше уехать. Время поджигает. Меня там бойцы ждут... Впрочем, почему вы меня об этом спрашиваете?

Солдат вздрогнул от этих слов. Он стал по стойке «смирно», видно, вспомнив, что перед ним красный командир, а потом, усмехнувшись, произнес:

– Я здесь и поставлен для того, чтобы интересоваться у таких людей, как вы.

– Я же вам ответил, – произнес Варшавский. – Неужели вы не видите, что я после ранения, хожу с палочкой. Может, вам показать, что со мной сделали белые?

– Не нужно шуметь, товарищ командир. У меня таких отметин тоже достаточно много. Этим нечего хвалиться.

– Петр! – обратился солдат к железнодорожнику. – Куда следует этот поезд?

– До Ростова, – ответил железнодорожник. – Давай, товарищ, следуй за мной. Поезд скоро тронется.

Он снова пошел вдоль состава, постукивая молоточком по металлическим колесам вагона. Вслед за ним, прихрамывая и опираясь на палочку, шел Варшавский. Поравнявшись с пассажирским вагоном, Петр постучал молоточком в дверь. Дверь приоткрылась. Из-за двери показалось заспанное лицо проводника.

– Что случилось? – спросил проводник железнодорожника.

– Возьми с собой командира Красной армии. Ему нужно в Ростов, в часть...

Проводник посмотрел на Евгения, как на вещь, словно оценивая его стоимость.

– Что молчишь, командир? – обратился к нему проводник.

– Думаю, договоримся...

– Раз так, забирайся.

Евгений с трудом поднялся в вагон. Поблагодарив Петра, он скрылся за дверью вагона.

Проводник вагона подошел, к сидевшему у окна Евгению, и присел рядом с ним.

– Командир! – обратился он к Варшавскому. – Оплачивать проезд собираешься?

Он улыбнулся и, достав из кармана френча деньги, протянул их проводнику.

– Достаточно? – спросил он его.

Проводник пересчитал купюры и радостно улыбнулся Евгению. Варшавский достал из кармана шинели портсигар и достал из него папиросу. Он положил портсигар на стол и, похлопав по карманам шинели ладонями, достал спички. Взглянув на сидевшего рядом с ним проводника, он заметил, что тот не спускает своих глаз с портсигара. Это был подарок Надежды Алексеевны. Он был изготовлен талантливым мастером из серебра с красивым вензелем на крышке.

– Нравится? – спросил проводника Варшавский. – Это подарок.

– Наверное, дорогая штука? – поинтересовался у него мужчина.

– Не знаю, не оценивал, – ответил Евгений.

Проводник поднялся с места и двинулся вдоль вагона. Варшавский прикурил папиросу и стал смотреть в окно, за которым, словно в калейдоскопе, мелькали какие-то станционные постройки. Народу в вагоне было не так много. Кто-то из пассажиров дремал, положив под голову свои вещи, кто-то вел разговоры. В дальнем конце вагона собралась небольшая группа мужчин, которая, громко ругаясь и смеясь, играла в карты. Евгений поднял ворот шинели и закрыл глаза. В голове его одна за другой стали всплывать картины из прошлого. Он словно заново пересматривал яркие фрагменты своей жизни: выпуск из юнкерского училища, вручение на плацу офицерских погон, вокзал в Казани и неожиданное появление в вагоне Екатерины, девушки, которую он любил. Затем перед глазами всплыли кадры войны: кровь, революция,

«ледовый поход» под командованием генерала Корнилова. Конные атаки, и снова кровь, кровь и кровь...

Кто-то осторожно коснулся его плеча. Варшавский открыл глаза. Перед ним стоял молодой мужчина.

– Закурить не будет? – обратился он к Евгению.

Он достал портсигар и, открыв его, протянул незнакомцу.

– Откуда будешь? – обратился к нему незнакомец.

– Вам это зачем?

Незнакомец усмехнулся.

– Из бывших офицеров будешь? Сразу видно буржуйское воспитание.

Варшавский промолчал. Ему не хотелось вступать в дискуссию с этим человеком. Тот, словно угадав настроение собеседника, начал на него давить.

– Что рожу воротишь? Кончилось ваше время, ваше благородие! Теперь мы хозяева всей этой земли!

– Я не против этого. Пашите, сейте, жнецы... Что вам нужно от меня?

Незнакомец смутился. По его лицу было видно, что он в растерянности и не знает, что ему сказать дальше.

– Я не могу быть свободным, пока такая контра, как ты, существует на этой земле, – выпалил он на одном дыхании.

– Это ваше дело, милейший человечек, быть или не быть свободным.

Варшавский демонстративно отвернулся от мужчины и начал смотреть в окно. Мужчина потоптался еще с минуту и удалился в дальний конец вагона, откуда доносились полупьяные голоса. Евгений снова закрыл глаза, стараясь внутренне успокоиться от навязанного ему разговора. Однако у него ничего не получилось. По-прежнему внутри все клокотало и негодовало.

«Нужно будет сойти с поезда, не доежая до Ростова. Там наверняка много патрулей и чекистов, – подумал он. – Нужно будет поинтересоваться у проводника, как называется предпоследняя станция».

За стеклом вагонного окна стало темнеть. Евгений достал из вещевого мешка кусок хлеба и нарезанное тонкими ломтиками розоватое сало. К нему подошла маленькая девочка и с нескрываемой жадностью посмотрела сначала на него, а затем на сало. Варшавский моментально понял, что девочка голодна и стесняется попросить у него кусок хлеба. Он отломил от своего куска половину, положил сверху на него несколько ломтиков сала и протянул ей все это.

– Вот, возьми, – произнес он и протянул ей хлеб с салом.

– Спасибо, – тихо ответила она. – Да сохранит Бог вашу душу.

Евгений улыбнулся. Девочка развернулась и пошла вдоль вагона.

Мимо Варшавского прошел проводник. Евгений уже знал, что до нужной ему станции осталось около часа. Он закрыл глаза и хотел немного подремать, но чья-то рука легла ему на плечо.

– Товарищ командир! Вас просят пройти в тамбур, – произнес проводник.

– В чем дело?

– Я не знаю, – заикаясь, произнес он. – Меня попросили передать вам, я и передал.

Варшавский посмотрел на соседей, завязал вещевой мешок и, опираясь на палочку, направился в сторону тамбура. Он открыл дверь. В тамбуре стояло три человека, среди которых он узнал того мужчину, который ранее подходил к нему.

– Вот и все, контра, – произнес один из них и направил ему в область живота револьвер. – Давай, вытряхивай все из карманов.

Евгений достал портсигар, спички и протянул их мужчине с револьвером. Тот протянул руку, и этого было вполне достаточно для того, чтобы Варшавский ударил его палкой по руке. Налетчик закричал от боли. Оружие выпало из его руки и с грохотом упало на металлический пол тамбура. Орудую палкой, словно шашкой, Евгений нанес сильный удар второму мужчине, который попытался вытащить нож из голенища сапога. Мужчина охнул и, схватившись рукой за разбитый череп, мешком повалился на пол. Третий, тот, кто ранее подходил к Варшавскому, растерялся. Он, по всей вероятности, не ожидал такой прыти от раненого офицера. Он забился в угол и закрыл лицо ладонями рук, словно они могли остановить ярость Евгения. Он словно штыком ткнул своей палкой в лицо противника, заметив, как между пальцев поверженного противника, тонкой струйкой заструилась кровь.

– Жить хочешь? – спросил его Евгений.

– Да, – прохрипел мужчина.

– Открывай дверь и выкидывай эту падаль из вагона, – произнес он и указал ему на валяющихся на полу его товарищей.

Мужчина открыл дверь. Поток прохладного воздуха ворвался в тамбур. Запахло сторевшим углем.

– Чего стоишь? Сбрасывай!

Мужчина наклонился над телом и, схватив его под мышки, подтащил к двери. Мгновение, и тело первого налетчика исчезло в темноте. Пока он возился со вторым телом, Евгений поднял с пола револьвер и сунул его в карман шинели. Когда все тела исчезли в дверном проеме вагона, Варшавский вытащил револьвер и направил его на мужчину.

– Ну что, хозяин земли? Теперь твоя очередь. Прыгай!

Мужчина посмотрел на оружие в руках Варшавского и шагнул к распахнутой двери. Он на миг остановился и посмотрел на Евгения в надежде, что тот передумает. Однако на лице офицера не дрогнул ни один мускул.

– Ну!

Мужчина встал на подножку и, оттолкнувшись, исчез в темноте. Евгений закрыл дверь и прислонился спиной к стенке тамбура.

«Давно не убивал подлецов, – подумал он. – Нужно снова привыкать к крови».

Дверь, ведущая из вагона в тамбур, открылась, и в проеме показалась фигура проводника.

– Ну как вы тут? – произнес проводник

Увидев Варшавского, державшего в руках револьвер, он застыл от неожиданности.

– Ко мне! – скомандовал Евгений.

Проводник хотел захлопнуть дверь, но вовремя подставленная нога, не позволила ему этого сделать.

– Убью! – прохрипел Варшавский.

Он схватил проводника за грудки и затащил в тамбур.

– Не ожидал, сука? – спросил он его. – Посчитали, что у меня в мешке ценности?

– Не убивай, – заскулил проводник. – Бес попутал...

Евгений открыл дверь вагона и вытолкнул упавшегося мужчину из вагона.

Александр Антонов родился и вырос в мещанской семье. В возрасте пятнадцати лет он познакомился с эсерами и с головой ушел в партийную работу. Вскоре он попал в поле зрения жандармерии. Антонова отчислили из училища. Оказавшись свободным от учебы, он добровольно вошел в боевую ячейку эсеров и стал заниматься добычей денег для партии. Боевики грабили винные лавки, кассы потребительских обществ и станций. После ограбления Алексан-

дром кассы Инжавинской железнодорожной станции полиция выследила его и решила задержать.

Рано утром, когда на востоке лишь забрезжил рассвет, в дверь дома Антоновых постучались полицейские.

– Откройте, полиция! Дом оцеплен, сопротивление бесполезно. Если хотите жить, сдавайтесь!

Александр вскочил с кровати и достал из-под подушки наган. Он бросился к окну, но среди зелени рассмотрел несколько фигур полицейских.

– Отец! Не открывай! Я сейчас оденусь! – выкрикнул он и стал быстро натягивать на себя брюки.

– Открывайте, или мы сейчас выломаем дверь!

Отец посмотрел на сына. Тот уже был одет и, сжимая в руке оружие, направлялся к окну, которое выходило в сад. Александр толкнул створку и увидел полицейского, который, укрывшись в кустах, наблюдал за окном.

«Что делать?» – промелькнуло у него в голове.

Полицейский сунул в рот свисток и громко засвистел. Он бросился от окна в дом, все еще не теряя надежды, что ему удастся прорваться на улицу. Дверь трещала под напором тел и ударов сапог. Наконец, преграда рухнула, и в дом буквально влетели несколько полицейских и людей в штатском.

– Антонов! Бросай оружие! – закричал мужчина в штатском.

– Мы знаем, что вы в доме, – слышался голос с улицы.

Дверь затрещала от сильных ударов. Наконец, под напором тел дверь с грохотом рухнула на пол, и в проеме показалась массивная фигура полицейского. Александр нажал на курок нагана. Выстрел прозвучал громко в этой небольшой комнате. Мужчина словно налетел на невидимую стенку. Он громко вскрикнул и, широко раскинув руки, упал на пол, сбив с лавки пустые ведра. Второго выстрела сделать Антонов не успел. У него выбили оружие, которое упало на пол и отлетело куда-то под стол. Мощный удар полицейского в челюсть выключил его сознание.

Очнулся Александр от холода, который, как ему показалось, проник в каждую его клетку тела. Он с трудом открыл глаза и не сразу понял, где находится. Серые грязные стены, сырой бетонный пол, от которого, словно ото льда, тянуло сыростью и холодом. Антонов застонал и с трудом повернул в сторону голову. Он увидел двух бородатых мужчин, которые с интересом и нескрываемым любопытством наблюдали за ним.

– Кто вы такие? – с трудом шевеля разбитыми губами, спросил он их.

– Кто, кто... Крестьяне мы, – ответил один из них. – А ты кто?

Александр хотел улыбнуться, но у него ничего не получилось. Лицо арестанта исказила гримаса боли.

– Я политический, – ответил Антонов.

– Значит, ты социалист, убивец? Оказывается, вон вы какие...

Александр промолчал. Он поймал себя на мысли, что трудно будет объяснить этим крестьянам, кто он и за что борется.

– Помогите мне подняться, – обратился он к ним с просьбой. – У меня не получается, видимо, сильно меня помяли эти держиморды.

Мужчины переглянулись между собой, не решаясь подойти к нему. Опираясь о стенку, он с трудом поднялся с пола и сделал несколько неуверенных шагов. Антонов осторожно сел и, прислонившись спиной к стене, закрыл глаза.

«Кто же меня выдал? – подумал он. – Как они вышли на меня?»

Мужчины по-прежнему сидели на месте и о чем-то тихо переговаривались. Александр плохо слышал их из-за сильной боли в голове, и, судя потому, как они то и дело бросали на него свои взгляды, он догадался, что эти люди говорили о нем.

На следующий день его вызвали на допрос. Молодой жандармский ротмистр сидел за столом и, судя по его довольному виду, упивался своей властью над сидевшим перед ним Антоновым.

– Так и будем молчать? Напрасно, господин бандит, напрасно. Вы считаете себя революционером, а вот мы считаем вас просто бандитом. И судить вас будут именно за ваши налеты, а не за убеждения. Вы слышите, о чем я вам говорю? Будем судить как бандита...

– Я не бандит, – тихо ответил он. – Все, что я делал, делал для народа.

– Боже мой! Оставьте эти сказки для своих товарищей. Вы просто бандит, и запомните это.

Александр промолчал. Он не верил этому молодому жандарму, ведь он считал себя именно революционером, а не каким-то там налетчиком. Однако все произошло именно так, как его предупреждал жандарм. Тамбовский суд приговорил Антонова к смертной казни. Уже в камере он по совету товарищей подал прошение о помиловании на имя Столыпина, и тот заменил ему смертную казнь на пожизненное заключение.

Семь лет Антонов провел во Владимирском центральном. Сказать, что он смирился с приговором, было нельзя. За эти годы Александр совершил две попытки побега, за что половину срока провел в кандалах. В 1917 году Антонов вышел на свободу по амнистии Временного правительства. Вернувшись в Тамбов, он снова влился в политическую борьбу и, используя старые связи среди эсеров, возглавил уездную милицию.

Варшавский вошел в подъезд дома и медленно поднялся на второй этаж. Судя по тому, что лестница в подъезде была выложена белым мрамором, похоже, раньше в этом доме проживали достаточно обеспеченные жильцы. Сейчас эти ступеньки почернели от грязи. Кругом валялись окурки от папирос и сигарок, какие-то замасленные обертки, жженные спички. Евгений остановился. Из-за массивной деревянной двери доносились звук гармошки и какие-то пьяные выкрики. Евгений постучал в дверь и стал ждать, когда кто-нибудь откроет. Не дождавшись, он с новой силой ударил в дверь. За дверью смолкла гармошка.

– Кого надо? – услышал он сдавленный мужской голос.

– Открывай! – произнес Варшавский.

Глухо звякнул замок. Перед ним стоял полупьяный мужчина в рваной тельняшке. Он с прищуром посмотрел на Евгения, явно не признавая в нем кого-то из своих знакомых.

– Ты кто? – произнес мужчина.

– Конь в пальто, – ответил Варшавский, стараясь отеснить пьяного в сторону. – Мне нужна Александра. Она дома?

– А, – как-то разочарованно ответил мужчина. – Эта буржуазная тварь у себя. Ты за ней? Мужчина, видно, признал в нем сотрудника ВЧК.

– Эту тварь уже давно нужно было выселить или расстрелять. Они всю жизнь пили нашу кровь...

– Твоей кровью можно отравиться. Покажи ее дверь.

– Вторая слева, – ответил мужчина.

Он быстро закрыл дверь и, семенив, обогнал Евгения и рукой указал на дверь.

– Стучи. У нее всегда закрыто.

Евгений остановился напротив двери, глубоко вздохнул и постучал в дверь.

– Кто там? – услышал он нежный женский голос.

– Откройте, Саша. Я привез вам привет от вашей тети Надежды Алексеевны.

Дверь открылась. Евгений вошел в комнату и остановился около порога.

– Проходите, – тихо сказала девушка. – Снимайте шинель. Я сейчас вас угощу чаем.

Варшавский снял шинель и повесил ее на вешалку. Он посмотрел на сапоги, словно извиняясь перед хозяйкой о том, что они утратили былой лоск.

– Ничего, если я так? – спросил он Александру.

– Конечно. Ради Бога, проходите, – произнесла она.

– Кстати, разрешите представиться, поручик императорской армии Евгений Варшавский.

– Тише, вы, поручик. Здесь даже стены имеют уши, – испуганно произнесла Александра. – И еще попрошу вас, не называйте меня Александрой.

– А как тогда вас называть?

– Сашей, а лучше всего Шурой.

– Хорошо, Шурочка.

Она улыбнулась и, сняв с керегоза чайник, направилась с ним к столу.

Александр Антонов, назначенный начальником Кирсановской уездной милиции, бросил недокурную папиросу и, взглянув на группу милиционеров, сидевших на лавке во дворе милиции, направился в свой кабинет. Войдя в кабинет, он снял с головы фуражку и положил ее на край стола. Раздался телефонный звонок. Александр крутанул ручку телефона и приложил трубку к уху. Звонил его старый знакомый по партии эсеров, который служил в городском отделе ВЧК Тамбова.

– Антонов! Ты слышишь меня, Саша?! Срочно уходи! В ЧК принято решение о твоём аресте. За тобой уже выехали.

– А как же вы?

– Ты за меня не беспокойся. Пока я вне подозрений. Не тани, уходи!

Звонивший человек положил трубку. Антонов был просто ошарашен этой новостью. Он отрешенно смотрел в угол кабинета, не зная, что предпринять. Он посмотрел на дверь, за которой слышались мужские голоса. Александр открыл ящик стола и, достав из него наган, сунул его за ремень брюк. Он вышел в коридор и, заметив дежурного, который направлялся в его сторону, остановил его.

– Если меня будут спрашивать, то я скоро буду.

– Хорошо, товарищ начальник, – ответил дежурный и скрылся за дверью кабинета. Начавшаяся еще в 1918 году чистка рядов органов власти от эсеров, как правых, так и левых, докатилась и до Тамбовской губернии. Антонов слышал, что некоторые его знакомые по партии были арестованы чекистами, а отдельные из них уже и расстреляны.

Он вышел из здания и снова посмотрел на милиционеров, которые продолжали о чем-то спорить.

«Чего ждать? Нужно срочно уходить, пока не арестовали и не поставили к стенке, – размышлял он, – Все хорошо знают мое отношение к продрозверстке, и в глазах власти я враг трудового народа».

Антонов быстро пересек улицу и остановился около небольшого дома. Александр уверенным шагом пересек двор и остановился около окна. Он трижды осторожно постучал по стеклу. Кто-то из жильцов отодвинул в сторону занавеску и увидел Антонова. Мужчина открыл окно и, стараясь говорить как можно тише, спросил его:

– Александр! Что случилось?

– Быстро собирайся! – произнес Антонов. – Уходим из города. Сюда прибывают чекисты, которые начнут аресты. Я уйду. Встретимся в Александровской балке. Предупреди остальных наших мужиков.

– Все понял, командир. Как быть с семьей? Они не пострадают?

– Лучше будет, если их не будет дома. Пусть уезжают к родственникам, так будет надежнее.

Хозяин дома закрыл окно. Антонов дошел до своего дома. Он быстро вбежал на крыльцо и сразу направился в горницу.

– Дмитрий! Нужно срочно уходить! Сюда едут чекисты.

Услышав шум, в комнату вошел отец и посмотрел на Александра.

– Куда это вы собрались? – спросил он сына. – Что случилось?

– Батя! Нужно срочно уходить. Давайте, собирайтесь, чекисты скоро будут здесь.

Отец сердито посмотрел на сына. Ему явно не понравилась эта новость.

– Знаешь, Сашка, я никуда я пойду, – ответил он. – Я никому ничего плохого не сделал, и мне бежать некуда.

– Они не пощадят тебя, отец. Я хорошо знаю большевиков.

– Родители за детей не отвечают. Мне жандармы за тебя ничего не сделали, так почему же новая власть что-то сделает? Я тогда тебе еще говорил, что не нужно было разоружать этих чехов, а вы со своими дружками взяли и их разоружили. Это ты спрятал отобранное у них оружие в лесу, а не я. Мне бояться нечего!

– Отец! Им все равно, кто разоружал и кто прятал оружие. Неужели ты этого не понимаешь?

В комнату вошел Дмитрий и посмотрел на брата.

– Вот отца уговариваю, чтобы он ушел вместе с нами, а он отказывается. Иди, запрягай лошадь, я сейчас.

Дмитрий вышел из дома и направился в сарай.

Варшавский собрался уходить. Он подошел к вешалке, снял шинель.

– Женья! Где вы остановились? – поинтересовалась у него Саша.

– Пока нигде. Да я и в Москве не собираюсь оставаться. Так что, Саша, вы не волнуйтесь, переночую где-нибудь.

– Что значит – где-нибудь? Оставайтесь у меня. Мягкой постели не обещаю, но на диване, вы можете переночевать. Сейчас вечер, кругом военные патрули.

Евгений улыбнулся. Она была чем-то похожа на свою тетку Надежду Алексеевну, такая же добрая и страдающая. Он топтался у порога, еще не решив, уходить или остаться.

– А что скажут ваши соседи? Они же видели меня? – поинтересовался он у нее.

– Почему вас так волнует их мнение? Эти гегемоны революции всех, кто чуть умнее их и грамотнее, считают врагами. Так что я у них уже давно «буржуйка недорезанная». Вы знаете, раньше все это принадлежало моей семье. После революции местные советы провели так называемую «программу уплотнения». У нас отобрали четыре комнаты, оставив лишь вот эту. Она была самой маленькой в нашей большой квартире. Так что не переживайте о моей репутации, оставайтесь. Сейчас я вам застелю диван.

Варшавский повесил шинель на вешалку. Он прошел к столу и сел на стул.

– Саша! Мне можно покурить, или нужно выйти? – спросил он девушку.

– Курите. Я сейчас открою форточку...

За дверью снова заиграла гармошка.

– Раскинулось море широко, – запел кто-то в коридоре.

Евгений улыбнулся. Он мысленно представил мужчину в разорванной тельняшке, державшего в руках гармошку.

– Нравится? – перехватив его улыбку, спросила его Саша. – Эти концерты происходят каждый Божий день. На какие деньги гуляют, ума не приложу.

Она быстро застелила диван и посмотрела на Евгения. Он стащил с ног сапоги и присел на диван. Шум за дверью возрастал с каждой минутой. Кто-то постучал в дверь комнаты.

– Что притаилась, сука буржуйская? погоди, ты еще познаешь гнев трудового народа! – неслось из коридора.

Девушка как-то виновато посмотрела на гостя, словно извиняясь перед ним за причиненные неудобства. Евгений натянул сапоги и поднялся с дивана. Он сделал шаг в сторону двери, как ему путь преградила хозяйка.

– Женья! Не стоит этого делать, – произнесла она. – Завтра вы уйдете, а мне еще здесь жить.

– Простите меня, эти хамы по-другому не понимают, – ответил Варшавский и, отодвинув в сторону хозяйку, открыл дверь.

Он вышел в коридор. Дверь соседней комнаты была открыта настежь. В комнате сидели три человека: двое мужчин и женщина. Заметив Варшавского, один из мужчин поднялся из-за стола. Он, пошатываясь, направился к нему.

– Что изволит ваше благородие? – обратился он к нему. – Имеем право! Мы кровь проливали за советскую власть.

Он еще что-то хотел сказать, но сильный удар в подбородок отбросил его обратно в комнату. Мужчина повалился на пол, сбив со стола посуду. Сидевший за столом мужчина словно остоленел от увиденного. Но это продолжалось всего несколько минут.

– Убили! – завизжала женщина. – Убили! Помогите!

Этот крик словно пробудил сидевшего за столом мужчину. Он вскочил на ноги и бросился на Варшавского. Евгению удалось увернуться от удара в лицо. Он ударил напавшего на него мужчину ногой в пах. Тот закричал от боли и повалился на пол. Он катался и выл, словно раненый зверь.

– Если еще кто-то из вас обидит мою сестру, убью! Вы меня поняли?

Женщина замолчала. Она, молча, кивнула, и Евгений, заметив ее кивок, вышел из комнаты.

Ночь, словно невидимое черное полотно, укрыла землю. Телега, на которой ехал Антонов, двигалась по проселочной дороге в сторону леса. Александр посмотрел на августовское небо, полное ярких звезд. Вот с неба сорвалась звезда и, оставив после себя яркий след, утонула в бархатной темноте ночи. Вслед за первой звездой с небосклона покатились вторая звезда, затем третья. Зачарованный этой красотой, Антонов не сразу услышал брата, который вел под уздцы лошадь.

– Сашка! Как ты думаешь, что будет с отцом? Что с ним могут сделать чекисты?

– Не знаю, Дмитрий, не знаю. Не силой же нам с тобой его тащить в лес. Он всегда был таким, если что-то решил, его уже не переубедишь.

Снова стало тихо, только поскрипывала сбруя. Где-то в чаще леса глухо ухнул филин, и снова наступила тишина.

– Саша! Ты мне вот скажи, почему большевики хотят тебя арестовать? Ты же начальник милиции! Это же фигура! Неужели они забыли, как ты боролся с бандитами и ворами? Все же знают об этом.

Александр усмехнулся.

– Дмитрий, я всю жизнь с кем-то борюсь. Сначала боролся с царизмом, теперь придется, похоже, сражаться и с большевиками. Ты же знаешь, я за советскую власть, но без большевиков и евреев. Мне не нужны их комиссары, я и без них знаю, что нужно делать.

Брат посмотрел на Александра, стараясь в темноте разглядеть его лицо. Однако было так темно, что он ничего не увидел. Где-то вдали снова ухнул в темноте филин. Антонов невольно

вздрагнул. Он был не из робкого десятка, но все равно, нащупав за поясом наган, он вынул его из-под ремня и положил рядом.

«Я всю свою сознательную жизнь отдал борьбе с царизмом, а теперь эти люди, которые называют себя большевиками, хотят отобрать у меня не только должность, но и жизнь. Можно, конечно, попытаться скрыться – страна большая, но от себя едва ли убежишь. Нужно бороться с ними всеми доступными средствами, выбора у меня нет», – размышлял он, вглядываясь в темноту леса.

Где-то впереди среди темноты мелькнул едва заметный огонек. Он вздохнул облегченно.

«Вот и лесная заимка. Быстро мы добрались до нее» – подумал он.

Не доезжая до дома метров сто, телега остановилась. К Александру подошел брат. Он достал из-под сена обрез и передернул затвор.

– Саша! Ты постой пока здесь, а я пойду, посмотрю, как там, – тихо произнес Дмитрий и направился к дому.

Темнота буквально проглотила его. Александр как ни вглядывался в эту черноту, но увидеть или услышать шаги брата не смог. Время шло, а Дмитрий все не возвращался. Ночной лес и темнота давили на психику Антонова. Он несколько раз пытался направиться вслед за братом, но что-то удерживало его от этого. Наконец, он услышал шаги. Рука его машинально сжала рукоятку револьвера. Он взвел курок и направил ствол в темноту.

– Саша! Не стреляй! Это я, Дмитрий.

Он словно материализовался из темноты, оказавшись в метрах пяти от телеги.

– Пойдем, – тихо произнес Дмитрий и, взяв лошадь под уздцы, направился к дому. – Здесь все в порядке. Никого чужих людей нет.

Вслед за ним направился и Александр. Около дома стоял мужчина в белой нательной рубахе. Заметив ночных гостей, он направился им навстречу.

– Ну здравствуй, Александр. Давно ты не приезжал. Наверное, работы было много.

– Ты прав. Дела были, Василий, не до этого было.

Мужчина промолчал.

– Как у вас тут дела? – спросил Александр хозяина дома. – Чужие заходят?

– Тихо у нас. Шуметь вроде некому было...

Антонов прошел в дом. Василий жил один. Его жена скончалась осенью 1919 года от брюшного тифа. Александр сел за стол и посмотрел на хозяина дома, который достал из печи еще не остывший картофель, огурцы, лук, а затем, нагнувшись, достал из-под стола бутылку с мутным самогонном и поставил ее на стол.

– Неплохо живешь, Василий, – произнес Александр. – Все у тебя есть, и выпить, и закусить. Другие с голоду пухнут...

– Не жалуюсь, Александр. Ты прав, другие люди еле сводят концы с концами.

Хозяин разлил самогон по стаканам.

– За встречу, – произнес он и опрокинул содержимое стакана в широко раскрытый рот.

Крякнув от удовольствия, он взял в руки картошку и начал медленно снимать с нее кожуру.

– А вы что? Что не пьете? – обиженно произнес Василий. – Я же от души...

– Я по ночам не пью, – ответил Антонов. – Помоги Дмитрию с лошадей, а я пока прилягу здесь на лавке. Устал я что-то.

Василий кивнул и, накинув на плечи старый пиджак, вышел из избы.

Всю ночь Евгений и Саша не спали. Они сидели за столом, и каждый из них рассказывал что-то о себе. Из рассказов Варшавского она узнала, что он пережил расстрел.

– Женья! Расскажите мне, как это – стоять у стены, осознавая, что через какое-то мгновение вы умрете? Скажите, что чувствует при этом человек?

– Не знаю. У меня была какая-то пустота. Когда меня арестовали чекисты, я уже знал, что меня ожидает. На войне невозможно жить с ожиданием смерти. Сначала думаешь о смерти, затем смиряешься с этой мыслью, видя тела своих убитых товарищей. В тот день меня и группу офицеров Добровольческой армии вывели во двор тюрьмы. Было раннее утро. Где-то за стеной тюрьмы шумело море. Нас поставили к стене, которая была вся испещрена следами от пуль и пятнами крови. Кто-то плакал, кто-то молился. Расстрельная команда была небольшой. Командир отделения дал команду, и красноармейцы вытолкали к стенке первых десять человек. Среди них был молодой прапорщик, похоже, бывший гимназист. Он был напуган и мне, тогда показалось, что от охватившего его страха он сошел с ума. Он что-то бубнил себе под нос и никак не хотел стоять у стены, все порывался вернуться обратно к стоявшим во дворе тюрьмы офицерам. Командир расстрельного отделения вытащил из кобуры наган и выстрелил в него.

Я оказался в третьем десятке. Ко мне подошел молоденький красноармеец и хотел завязать мне черной тканью глаза, но я отказался. Не знаю почему, но в тот момент я почему-то посчитал, что смерть нужно встречать с открытым лицом, глядя в глаза тем, кто через мгновение отберет у меня жизнь. Я не услышал выстрела. Что-то сильно ударило меня в грудь и опрокинуло на каменную стену. Я открыл глаза и понял, что еще жив. Я увидел, как ко мне направляется красноармеец. В руках он держал винтовку с блестящим на солнце штыком. Он замахнулся и ударил меня штыком в грудь. Жало штыка, похоже, угодило в металлическую пуговицу шинели и, скользнув по ней, угодило мне в бок, сломав два ребра. Больше я ничего не помню. Очнулся я уже в овраге, куда ежедневно сгружали трупы расстрелянных в тюрьме людей. А спасла меня ваша тетя, Надежда Алексеевна, которая вытащила меня из оврага. Дай Бог ей здоровья.

Варшавский замолчал. За окном, с улицы послышался голос. Евгений насторожился.

– Это наш дворник Султан. Это он так рано встает в нашем доме. Куда вы сейчас направитесь? Ведь везде все одинаково, кругом ЧК, аресты...

– Думаю, что, по всей вероятности, попытаюсь добраться до Тамбова. Там, как я слышал, вспыхнуло большое крестьянское восстание. Люди недовольны продразверсткой и советской властью. Хочу быть полезным Отчизне.

– Неужели не навоевались, Евгений?

Он посмотрел на нее, словно не ожидал от нее услышать подобных слов.

– Нет, Саша, пока существуют подобные хамы, для меня война не закончится никогда. Я люблю Родину и ненавижу всех этих иноверцев, которые отобрали у меня все: веру, царя, а сейчас лишают меня и отечества.

Во входную дверь кто-то громко постучал. Варшавский взглянул на часы, они показывали начало шестого утра.

– Вы кого-то ждете? – спросил он девушку.

– Я нет. Может, соседи...

По коридору затопали сапоги.

– Здесь эта контра, – услышал Евгений голос из-за двери. – Я сразу понял, кто он. Меня не обведешь...

В дверь комнаты кто-то громко постучал. Варшавский достал наган и взвел курок. Саша испуганно посмотрела на него.

– Откройте дверь, а иначе они ее просто выбьют, – произнес Евгений, обращаясь к девушке.

Она открыла дверь и в комнату вошли трое в штатском.

– Мы из ЧК, – произнес один из вошедших.

Он был одет в поношенное демисезонное пальто черного цвета.

– Предъявите документы, – потребовал он.

Евгений расстегнул карман френча и достал из него бумагу, которую протянул мужчине в пальто. Тот взял ее в руки и, развернув, прочитал.

– Значит, вы командир Красной армии?

– Да. Там все написано, я после ранения. Вот заехал навестить дальнюю родственницу, а здесь... – он не договорил, увидев за спиной мужчины в пальто соседа в рваной тельняшке, у которого под левым глазом был большой кровоподтек. – Этот вот стал оскорблять меня, назвал конторой. Я кровь проливал, а этот здесь над моей родственницей издевался.

– Разберемся, – ответил чекист. – Будьте добры, пройдемте с нами.

Варшавский снял шинель и набросил ее на плечи. Воспользовавшись тем, что на него никто не смотрел, он выхватил из кармана галифе револьвер и выстрелил мужчине в лицо. Следующими выстрелами он убил всех, кто находился в комнате.

– Я уйду, – произнес он. – Вы тоже уходите, если хотите жить...

– Я с вами, – ответила Саша и стала быстро одеваться.

Минут через пять они, остановив пролетку, уже ехали в сторону вокзала.

Недалеко от вокзала Варшавского и Сашу остановил патруль, состоявший из двух красноармейцев.

– Гражданин! Предъявите документы, – обратился к нему красноармеец.

Он был маленького роста, щуплый, его нестриженные рыжеватые волосы торчали из-под буденовки. Саша еще крепче сжала руку Евгения.

– В чем дело? Я спешу на поезд, – раздраженно ответил Варшавский.

– Предъявите ваши документы, – настойчиво потребовал красноармеец.

Варшавский расстегнул шинель и достал из кармана френча бумагу, которую протянул красноармейцу. Тот прочитал и вернул ее обратно.

– Могли бы сразу сказать, что вы из ЧК...

– Может, еще закричать на всю улицу прикажете? Теперь я могу отправиться на вокзал?

– Конечно. Вы простите нас...

– Бог простит, – ответил Евгений, пряча документ в карман.

Варшавский посмотрел на девушку, и они направились дальше.

– Женья! Откуда у вас эти документы? Вы что, из ЧК?

– Нет. Я их позаимствовал у мертвого чекиста. Они ему теперь ник чему, а нас вот выручили. Вы знаете, Саша, у меня где-то в Москве проживает сестра. Когда я сюда ехал, то рассчитывал найти ее, но, как видите, планы изменились. Нужно срочно уезжать из города, пока нас не схватили чекисты.

– Вы думаете, что они уже обнаружили тела своих убитых товарищей?

– Наверняка. Я не убил женщину, которая была в соседней комнате. Я уже пожалел об этом.

– Вы знаете, я многое видела, но чтобы при мне убивали людей, еще не приходилось.

– Привыкайте, Шурочка. Жизнь теперь такая, или мы их, или они нас.

Девушка промолчала. Она, жившая в любви и нежности, никак не могла привыкнуть к насилию.

– А как же любовь и милосердие, Женья? Куда это все пропало в людях?

– Когда я лежал на койке, у вашей тетушки, я много думал об этом. Что же произошло с нашим православным народом, который так почитал Бога, веру, царя, Отечество? Что же произошло с ним? Пришла в мир какая-то группа евреев-большевиков, которым в столь короткое время удалось не только сломать православие, но и настроить народ против веры. Люди забыли Бога. Вы бы только видели, что эти люди творили там, в Крыму. Они убивали не только плен-

ных офицеров, казаков, они не щадили никого, кто не соответствовал их классовому сословию. Вы знаете, как были глупы мои товарищи по оружию, которые поверили словам Фрунзе и отказались от вооруженного сопротивления большевикам? Все они погибли, все до одного.

Он замолчал и посмотрел на сосредоточенное лицо девушки.

– Вы нашли ответ на все ваши вопросы? – спросила она его.

– Если человек отрицает Бога, значит, он поклоняется дьяволу. Вот откуда она, такая жестокость с миллионами, принесенных на алтарь дьявола жертв.

Они вошли в здание вокзала, в котором было много народу. Зал гудел и был похож на растревоженный муравейник. Стоял такой шум и гул, что стало невозможно говорить и что-то услышать.

– Держитесь за меня крепко, иначе вы просто потеряетесь в этой толкучке.

Варшавский, прихрамывая и опираясь на трость, словно ледокол, стал пробираться к кассе.

– На Тамбов есть билеты? – спросил он кассира.

Женщина взглянула на него и не ответила. У нее было измученное лицо, и, похоже, ей уже до смерти надоело отвечать на вопросы, которые сыпались на нее все время.

– Я из ЧК, – произнес Варшавский. – Мне нужно два билета до Тамбова.

– Нет у меня билетов до Тамбова. Закончились еще вчера. Поезд отходит через полчаса. Если вы действительно из ЧК, тогда идите на перрон и попробуйте уехать.

Варшавский схватил Сашу за руку и, расталкивая народ, ринулся на перрон, где стоял под парами паровоз.

Антонов сидел на крыльце и чистил свой «Маузер». Недалеко от него нежились на солнышке пять его ближайших и верных друзей. Услышав топот копыт, он посмотрел на тропинку, ведущую к заимке. По тропинке мчался на лошади его брат Дмитрий. Около крыльца он поднял лошадь на дыбы и, как лихой кавалерист, соскочил с нее.

– Саша! Отряд красных вошел в Инжавино. Сейчас начнут хватать людей!

Антонов сунул маузер в деревянную кобуру и улыбнулся.

– Собирай людей, – коротко бросил он. – Ударим по ним на зорьке... Пусть ждут нас у старой мельницы.

– Все понял, – ответил Дмитрий, забираясь на лошадь.

Он развернул коня и, ударив его нагайкой, помчался по тропинке. После полудня Антонов и с ним десять всадников направились в сторону старой, разрушенной еще в семнадцатом году, мельницы. Стало темнеть. Неожиданно из кустов раздался грозный окрик:

– Стой! Кто идет?!

Это было так неожиданно, что Александр вздрогнул. Его рука потянулась к оружию.

– Что, не видишь, что ли? Это же Антонов.

Из кустов вышел мужчина, держа в руках винтовку.

– Это ты что ли, Петр? – произнес Антонов, сдерживая танцующего под ним коня.

– Я, угадали, – ответил мужчина. – Вас уже ждут.

Группа Антонова двинулась дальше, и вскоре он увидел группу вооруженных людей, которые расположились на небольшой поляне. Он соскочил с коня и, передав уздцы ординарцу, направился к ним.

– Привет, мужики! – произнес Александр. – Ну как вы, все готовы пустить кровушку большевикам? Что там в Инжавино? Большой отряд у красных?

– Не очень. Ими командует какой-то чекист. Странная у него какая-то фамилия — Зегель. То ли еврей, то ли других кровей будет. Это он приехал тебя ловить.

Все громко засмеялись.

– Ничего, мужики! Сейчас мы посмотрим, кто из нас дичь, а кто охотник.

Отряд двинулся в сторону Инжавина. По дороге к отряду стали присоединяться другие группы. Вскоре отряд Антонова вырос до двух тысяч человек. Впереди показались станционные постройки. В памяти Александра всплыли яркие моменты, когда он и его товарищи экспроприировали на этой станции кассу. Он невольно улыбнулся и посмотрел на брата, который ехал рядом с ним. Они остановились рядом с жилыми домами. Он медленно вынул из ножен шашку и, оглянувшись назад, громко скомандовал:

– Вперед!

Шпоры впились в бока коня, отчего он резко устремился вперед, едва не сбросив из седла седока. С криком «ура» конники ринулись вслед за своим командиром. Затрещали выстрелы. На станции стоял гарнизон красноармейцев, которые, не приняв боя, стали бросать оружие и поднимать руки. Бригада чекистов встретила атакующих винтовочными залпами. Однако остановить атакующих кавалеристов им не удалось. Отстреливаясь, они стали отходить в сторону мельницы. Они закрылись в ней, встречая огнем атакующих повстанцев. Мельница была каменной, и ее стены спасали чекистов от пуль антоновцев. Судя по выстрелам из мельницы, у осажденных чекистов заканчивались патроны. Чтобы не терять людей, Александр приказал поджечь мельницу, чтобы выкурить из нее врагов.

Стрельба стихла. По небольшой и узкой улочке двигалась телега, заполненная сеном. Ее толкали несколько мужчин. Чекисты не сразу поняли, что задумали атакующие. Мужчины толкнули телегу, и она, набирая скорость, покатила под уклон в сторону мельницы. Кто-то бросил факел и сено, подобно пороху, моментально охватило телегу пламенем. Она ударилась о стенку мельницы, и деревянная крыша утонула в густом дыме. Обороняющиеся стали один за другим выскакивать из помещения на улицу, где тут же попадали под огонь повстанцев.

Начальника группы ЧК Артура Зегеля убили не сразу. Связав ему руки, под одобрительные крики восставших его водили по улицам поселка. Жители бросали в него камни, плевали, считая его носителем всех бед и горя. Его зарубили шашкой, когда всем надоел этот «спектакль», который устроили сторонники атамана Антонова.

Варшавский и Саша, выйдя из вагона, направились в сторону здания вокзала. Вся территория вокзала была похожа на растревоженный муравейник, кругом сновали красноармейцы.

– Жень! Тебе не кажется, что, пока мы добирались до Тамбова, здесь что-то произошло? – спросила она его.

– Ты права. Судя по такому количеству войск, здесь не слишком спокойно.

Они прошли через зал ожидания, и вышли на привокзальную площадь. Заметив свободную пролетку, Евгений повел девушку к ней.

– В гостиницу, – коротко произнес Варшавский, остановившись у пролетки.

Извозчик внимательно посмотрел на своих клиентов.

– Я бы вам, товарищ, не советовал ехать в гостиницу. Разве вы не видите, что здесь творится?

– Мы только что с поезда и, наверное, не в курсе событий. Что вы посоветуете, милейший?

Извозчик внимательно посмотрел на них, словно прикидывая про себя, стоит ли ему связываться с этой парой.

– Я вижу, что вы бывший офицер, и думаю, что вы прибыли в этот город не для отдыха. Я, надеюсь, не ошибаюсь?

Теперь уже Варшавский с интересом посмотрел на мужчину. Он поправил на голове фуражку и тихо ответил:

– Вы угадали. Мы прибыли сюда не отдыхать.

– Я так и понял. Садитесь, я вас размещу у своего знакомого. Так будет надежней и безопасней для вас.

Евгений помог Саше забраться в пролетку. Извозчик щелкнул кнутом, и лошадь, словно давно ожидая этой команды, резво засемила по улице. Ехать пришлось недолго. Вскоре пролетка свернула в небольшой переулок и остановилась около двухэтажного дома, окруженного высоким забором. Извозчик сошел с пролетки и подошел к высоким воротам. Он несколько раз сильно ударил ногой по воротам. Варшавский взвел курок револьвера и приготовился открыть огонь, если за воротами их ждала засада чекистов.

– Георгий Михайлович, это я! – громко сказал извозчик. – Откройте, я вам гостей привез.

Створка ворот приоткрылась, и на улицу вышел мужчина. Он был небольшого роста, в наброшенном на плечи пиджаке. Он поправил рукой пенсне и посмотрел на сидевших в пролетке Варшавского и Сашу.

– Проходите, – произнес он.

Извозчик махнул Евгению рукой. Саша и Евгений направились к воротам. За высоким забором оказался большой двор, в дальнем конце которого стоял дом. Варшавский, опираясь на палочку, осторожно вошел в прихожую. В доме пахло свежей выпечкой и ванилью. Они прошли в гостиную и остановились у порога. За спиной Евгения, словно по команде, выросла фигура мужчины, одетого в офицерский китель.

– Оружие есть? – спросил мужчина в штатском. – Сдайте его, господа. Оно вам здесь не понадобится.

Варшавский достал из кармана шинели револьвер и протянул его стоявшему за его спиной мужчине.

Георгий Михайлович сидел за столом в большом кресле. Напротив него сидел Варшавский. За его спиной стоял все тот же мужчина в офицерском кителе.

– Кто вы такой и с какой целью прибыли в Тамбов? – спросил его хозяин дома. – Только не врите мне, молодой человек. У вас два пути – это остаться живым или быть закопанным в этом вишневом саду.

– Я поручик императорской армии. Приказом Деникина мне присвоено звание штабс-капитана. Я участник корниловского похода, дрался за царя, веру и Отечество...

– Не буду скрывать, я эсер, – ответил Георгий Михайлович. – Сейчас нас с вами объединяет одно – это борьба с большевиками. Вы знаете, что в нашей области, недовольные политической большевиков, в частности продразверсткой, восстали крестьяне. Руководит ими мой товарищ по партии Александр Антонов. Подобное восстание вспыхнуло и в Воронеже.

Варшавский внимательно смотрел на Георгия Михайловича, стараясь понять, что он хочет конкретно от него. Если бы не сидевшая рядом с ним Саша, он давно бы встал и ушел из этого дома. Он хорошо знал, какую роль сыграли эсеры в свержении императора, и поэтому относился к ним с пренебрежением.

– Крестьянская армия Антонова очень нуждается в таких людях, как вы, знающих и умеющих воевать.

Варшавский невольно улыбнулся. Он сразу представил войско, что было подобно войску Пугачева, вооруженного вилами и кольями. Исход войны с регулярными частями любой армии был заранее предreshен.

– Почему вы улыбаетесь? – спросил Евгения Георгий Михайлович. – Вы не верите в победу?

– Я человек военный, – ответил Варшавский. – Вы правы, я не верю в победу. Но, черт возьми, я все же хочу пустить им кровь.

Он засмеялся.

– Переправьте меня скорее к Антонову. Думаю, что я смогу сформировать хотя бы две сотни из казаков. Я воевал с ними и хорошо знаю, чего стоят эти люди.

– Обещать не смогу, что вы найдете там эти две сотни казаков, но людей, которые хотят свергнуть власть большевиков и евреев, там достаточно. Скажите, Варшавский, кем придется вам ваша спутница?

– Это моя невеста.

– Если вы не возражаете, то я буду не против, если она останется в моем доме. На войне не место женщинам.

– Я еще с ней не говорил на эту тему.

– Поговорите.

Евгений усмехнулся. Он был уверен, что Георгий Михайлович ему не доверяет и хочет оставить Сашу у себя в качестве заложницы.

– Похоже, вы не верите мне, Георгий Михайлович? Тогда для чего ваш человек привез меня к вам? Наверняка я здесь не первый и не последний.

– В кармане вашей шинели мы нашли мандат, согласно которому вы являетесь сотрудником ЧК.

Варшавский засмеялся.

– Уважаемый Георгий Михайлович. Неужели, если бы я действительно служил в ЧК, я бы вот так просто носил бы подобную бумагу в кармане шинели? Неужели вы думаете, что я так глуп? Этот мандат принадлежал чекисту, которого я застрелил в Москве. Бумага ценная, зачем ее выбрасывать?

Хозяин дома промолчал. Он понял, что не нужно было говорить офицеру об этой бумаге. Но слово, как птица, вылетело и теперь жалея, не жалея.

– Будем считать, что на сегодня разговор окончен. Поговорите со своей невестой. Капитан проводит вас до комнаты, в которой вы отдохнете до завтра.

Варшавский поднялся и, посмотрев на стоявшего за его спиной мужчину, последовал за ним.

В 1920 году на фоне засухи Тамбовская губерния не смогла произвести необходимого зерна, которое выращивала в прошлые годы. Однако план продразверстки власть уменьшать не собиралась. Местное большевистское руководство области, направляя продотряды по деревням, как и прежде, отбирало у крестьян все выращенное ими зерно, тем самым обрекая последних на голодную смерть. Не выдержав натиска продотрядов, область взорвалась. Вспыхнуло восстание, которое охватило всю губернию. Александру Антонову удалось объединить группы повстанцев, которых насчитывалось около шестидесяти пяти тысяч.

Вечером в дом, который занимал Антонов, прибыл связной из города. Это был мужчина средних лет с небольшой темной бородкой, одетый в выгоревший на солнце пыльник.

– Здравствуй, Иван Яковлевич, – поздоровался с ним Александр. – Давно я тебя жду.

– Здравствуй, – ответил ему гость. – Красные перекрыли все дороги, пришлось много петлять, чтобы добраться до тебя.

– Как там в городе? Что говорят? – поинтересовался у него Антонов.

– Жрать люди хотят в городе. Городские считают, что во всех их бедствиях виноват ты. Антонов невольно ухмыльнулся.

– Ты не улыбайся. Все так и есть. Голодно в городе.

– Что, товарищи большевички народ накормить не могут? Выходит, что одними лозунгами сыт не будешь. Что у нас с людьми? Мне не хватает опытных командиров.

– Есть люди. Думаю, что на днях придут. Это бывшие офицеры...

Антонов задумался. Ему явно не импонировали эти люди. Он еще хорошо помнил царский режим и тех, кто верой и правдой служил ему. Однако других командиров у него не было.

– Ты знаешь, Иван Яковлевич, у меня, да и у моих людей неоднозначное отношение к этим людям. Как бы чего нехорошего не вышло.

– Все это будет зависеть от тебя. Главное – стремление этих людей бороться с большевиками. Кто, как не они, помогут тебе с организацией боевых дружин и отрядов. Среди них есть одна интересная личность, это Варшавский. Легендарная личность. За ним чекисты и красные гонялись около года в Крыму. Нарубал он их сотни.

У Антонова загорелись глаза.

– Как это он уцелеть смог?

– Взяли они его только раненым. Приговорили к расстрелу, но Бог миловал, уцелел. Сейчас снова готов пройти по тылам красных.

– Это хорошо. Мне такие люди нужны.

Гость достал из кармана пыльника папиросы и закурил.

– Я сейчас уйду. Пусть твои люди проводят меня до опушки.

– Не вопрос.

Антонов позвал своего ординарца и приказал проводить гостя.

«Интересно, кто такой этот Варшавский? Впрочем, ну и пусть, что он из дворян, белая кость, лишь бы порубал побольше этих большевиков», – подумал Александр.

Он хорошо понимал, что, пока большевики не подтянули сюда регулярные части Красной армии, он еще может похозяйничать в губернии. Воевать дальше будет намного сложнее.

Вскоре вернулся ординарец.

– Проводил? – спросил его Антонов.

– Да, – коротко ответил тот. – Если я вам пока не нужен, можно я пойду к мужикам?

– Хорошо. Только сначала найди мне Дмитрия. Пусть он заглянет ко мне.

Ординарец вышел из дома и, постукивая нагайкой по голенищу сапога, направился в дальний конец двора, где находился брат атамана.

Варшавский постучал в дверь комнаты и, услышав ответ, вошел в комнату. Саша сидела у окна и читала книгу.

– Что-то случилось, Евгений? – обратилась она к нему, откладывая книгу в сторону.

– Да, Саша. Завтра утром я ухожу. Зашел попрощаться с вами.

– Как уходишь? А я?

– Ты можешь остаться здесь. Георгий Михайлович будет рад приютить тебя у себя.

На глазах девушки выступили слезы. Она отвернулась в сторону, чтобы он не заметил их.

– Я не хочу здесь оставаться без тебя, – тихо произнесла она. – Почему ты все за меня решил?

Он подошел к ней и обнял ее за плечи. Пристально посмотрел в ее наполненные слезами глаза и тихо произнес, прижимая ее к своей груди:

– Вы простите меня, Саша, что я так неосторожно вошел в вашу жизнь и обрек вас на эти скитания. Мне не нужно было тогда оставаться у вас в Москве, и тогда бы ваша жизнь протекала бы в том же русле, что и ранее. Простите меня, но мне тогда просто хотелось защитить вас от этой мрази, что называет себя гегемоном революции. Сейчас поздно каяться. Я снова ухожу на войну и хочу драться за вас, Саша, чтобы никто и никогда больше не мог издеваться над вами.

Девушка закрыла его рот своей маленькой ладошкой.

– Я все понимаю, Женя. Хочу быть всегда возле вас, даже в самые опасные моменты. Я никогда не верила в любовь с первого взгляда, сейчас вы заставили меня в это поверить. Я полюбила вас и не хочу с вами расставаться.

Она называла Варшавского то на вы, то, на ты, и он даже не обращал на это никакого внимания.

– Саша! Там, где я, там всегда кровь, грязь и смерть. Я не прощу себе никогда, если с вами что-то случится.

– Ну и пусть, зато я буду рядом...

Она снова заплакала и еще плотнее прижалась к его груди.

– Почему вы мне не верите? Я сильная, разве вы этого не видите?

– Вижу, Саша, вижу. Просто я боюсь за вас.

– Вы не бойтесь, я все перенесу, пока вы рядом со мной.

Ее губы коснулись его губ. Ее губы пахли клубникой и были настолько нежны, что Евгений не устоял, и они утонули в поцелуе, как тонут корабли в водах океана. На какой-то миг он вспомнил Катерину и их первый поцелуй. У нее, как и у Саши, губы пахли клубникой. Однако это было лишь далеким воспоминанием, похожим на полузабытый сон, а вернее, отголоском воспоминаний.

– Хорошо, Саша. Вы сами приняли это решение, – произнес Варшавский. – Уходим завтра в пять часов утра. Одевайтесь проще и теплее.

Глаза девушки засверкали. Евгений смотрел на нее и вновь почему-то вспомнил Катю, которая щеголяла в кожаной куртке и хромовых сапогах.

«А Саше тоже бы пошли подобная куртка, “Маузер”, – прикинул он, рассматривая ее хрупкую фигурку.

Заметив его взгляд, девушка улыбнулась, сверкнув белоснежными зубами. Она снова подошла к нему и обняла.

– Собирайся, Саша. Я тоже пойду, начну собираться.

Он нежно поцеловал ее в щеку и вышел из комнаты. Рано утром они двинулись из дома. Провожал их Георгий Михайлович. Он стоял около ворот и махал им рукой. Варшавский усадил девушку на телегу. Он повернулся к хмурому мужчине, поинтересовался, будут ли еще попутчики.

– Еще двое, – коротко ответил мужчина.

Евгений хотел спросить у него, что это за люди, но, заметив его тяжелый взгляд, решил не спрашивать. В конце улицы они остановились около небольшого, покосившегося от времени дома. Мужчина подошел к окну и дважды стукнул в стекло. Занавеска отодвинулась, и показалось лицо мужчины. Похоже, тот ждал этого условного стука. Вскоре из ворот вышел молодой мужчина, одетый в гражданское черное демисезонное пальто. Судя по его походке и выправке, Варшавский сразу же догадался, что направляющийся к ним мужчина был военным. Он протянул руку Евгению и, склонив голову, поцеловал руку девушки.

Мужчина хлестнул лошадь кнутом, и та, мотнув головой, медленно потащила телегу дальше по улице.

– С кем имею честь общаться? – повернувшись к Евгению, произнес мужчина.

– Поручик Варшавский, – представился он.

– Ротмистр Телегин, – ответил мужчина и слегка приподнял шляпу.

Вскоре они увидели и третьего попутчика. Его лицо пересекал глубокий сабельный шрам.

– Поручик бывшего Дроздовского полка Соловьев, – представился он. – Ну что, господа офицеры, послужим еще нашей России? Вот уж никогда не думал, что буду сражаться за мужиков. А вы, господа?

Все промолчали. Каждый из них думал о чем-то своем.

Тамбов остался позади. Дорога, размытая осенними дождями, была похожа на полосу препятствий. Сапоги Варшавского намокли, и он с трудом вытаскивал их из грязи, которая, словно черная топкая жижа, заливала дорогу.

– Стой! – раздался окрик за спиной Евгения.

Их настигал кавалерийский разъезд красноармейцев. Варшавский сунул руку под сено, что лежало в телеге, и нащупал ручной пулемет Льюиса. Телегин, идущий рядом с Евгением, побледнел. Рука ротмистра потянулась к карману пальто, где у него, похоже, находился наган.

– Спокойнее, господа, – тихо произнес Варшавский.

Всадники приближались. Кони под ними скользили, выбрасывая из-под копыт ошметки черной грязи.

– Тика́ете, господа хорошие? – произнес молодой всадник, уперев острие своего копья в грудь Варшавского. – Небось, к Антонову направились?

Евгений посмотрел в лицо кавалериста. Оно было надменно, и ему показалось, что он, скорее всего, в этот момент наслаждается своей властью, наблюдая за растерянностью стоявших около телеги людей.

– Я из ЧК, – произнес Варшавский, – сейчас я вам покажу свой мандат.

Второй всадник оглянулся назад и посмотрел на своих товарищей, которые наблюдали за ними в пятидесяти метрах позади. Евгений достал из кармана документ и протянул его всаднику, что был с копьем.

– Мне не нужны ваши бумаги. Разворачивайтесь! Поедем в комендатуру!

Тихо щелкнул выстрел. Он был похож на треск сломавшейся ветки. Красноармеец выпустил из рук свое копье и медленно сполз с коня. Второй всадник попытался выхватить из ножен пашку, но очередной выстрел в упор выбросил его из седла. Наблюдавшие за всем этим кавалеристы выхватили пашки и, ударив каблуками в бока коней, галопом помчались в сторону телеги. До нее оставалось метров десять, если не больше, когда длинная очередь «Льюиса» выбила их из седел, разбросав их тела вдоль дороги.

– Все кончено, господа, – тихо произнес Варшавский. – Берем коней и уходим, пока нас здесь не покрошили красные.

Евгений подошел к мертвому красноармейцу, снял с него пашку и винтовку. Поймав за уздцы испуганного коня, он привычно вскочил в седло. Сильная боль в ноге, словно удар шилом, пронзила его тело. Он вскрикнул. В глазах потемнело, и он еле удержался в седле.

– Женья! Что с вами! – услышал он крик Саши. – Вас ранило?

– Это старая рана. Я забыл о ней, но она напомнила о себе...

Сложив оружие убитых красноармейцев в телегу, они двинулись дальше в сторону леса, который темнел уже совсем недалеко.

– Ловко вы их, господин поручик, – произнес ротмистр, поравнявшись с ним. – Где вы научились так стрелять?

– Жизнь научила...

Ротмистр улыбнулся. Он с неким трепетом посмотрел на сосредоточенное лицо Евгения.

– Вы где-то воевали, ротмистр? – поинтересовался у него Варшавский. – Судя по тому, как побелело ваше лицо, и задрожали руки, я понял, что вы не из тех, кто рубил красных пашкой.

– Вы правы, я был офицером по особым полномочиям у генерала Алексеева. Затем ранение...

Они въехали в лес. Ротмистр замолчал. Поручик Соловьев медленно покачивался в седле. Он не прислушивался к разговору Варшавского и Телегина. Он всю дорогу не спускал глаз с Саши. Эта девушка с очаровательной улыбкой определенно нравилась ему, и он все это

время размышлял лишь о том, как эта нежная девушка может так трепетно относиться к этому грубоватому Варшавскому. Она напоминала ему жену, которая смогла уехать за границу перед самым началом Гражданской войны. Лесная дорога петляла среди могучих сосен и сбросивших листву кустов. Наконец, извозчик остановил лошадь. Он сошел с телеги и посмотрел на большой дуб, который, словно могучий камень, рассекал дорогу пополам.

– Все, господа офицеры, – произнес он. – Я отправляюсь обратно. Скоро сюда подъедут люди Антонова, они и проводят вас к нему в штаб.

Варшавский помог Саши сойти с телеги, выложил из нее оружие и, поблагодарив извозчика, присел на ствол поваленного дерева.

Антонов сидел за большим столом и внимательно рассматривал стоявших перед ним бывших офицеров. На его лице блуждала улыбка, и никто из присутствующих в доме его соратников не знал, что она означает.

– Выходит, вы прибыли сюда, чтобы сражаться с красными? – спросил он их.

Варшавскому он сразу не понравился. Антонов, как показалось Евгению, был заносчив и самоуверен.

– Выходит, вы решили, господа благородии, что без вас я не справлюсь? Что не смогу бить красных и защищать крестьян?

– Конечно, сможете, – ответил Варшавский. – До этого ведь обходились. Однако если вы хотите серьезно воевать с Красной армией, то вам необходимы люди, которые умеют и знают, как это надо делать.

Антонов снова улыбнулся. Он уже слышал, что в Тамбове партией эсеров уже создан политический центр борьбы с советской властью. Что эти люди создают боевые группы из числа врагов власти, готовых выступить против большевиков в любой удобный момент. Это подтвердил и один из офицеров, стоявших перед ним в штатском пальто.

Пауза затягивалась. Антонов встал из-за стола и подошел к офицерам. Остановившись рядом с Варшавским, он неожиданно для него спросил:

– Мне тут рассказывали, что ты вчера убил пять красноармейцев. Это правда?

– Да, – коротко ответил Евгений.

– Молодца, мне такие люди нужны, – произнес Антонов и засмеялся.

Вслед за ним засмеялись и другие.

– Скажи, офицерик, это твоя девка, что сейчас находится на кухне? Кто она тебе: жена или так, для веселья?

– Невеста.

Антонов развернулся и направился к столу. Он сел и, посмотрев на Варшавского, задал очередной вопрос:

– Кем был в армии? Я имею ввиду, чем командовал? Ротой, батальоном?

– Особой группой. Под моим командованием было две сотни казаков. Больше мы по тылам красных ходили...

– И как, получалось?

– Порубали многих, живых после нас не оставалось...

Все опять громко засмеялись.

– Хорошо, Варшавский. Я тоже тебе дам две сотни. Конечно, у меня не будет столько казаков, но некоторые мои мужики не хуже твоих казаков будут. Дмитрий, – обратился он к брату, – подбери для него людей. Пусть пощекочет красным пятки, а мы посмотрим, как они будут смеяться.

Снова все громко засмеялись.

– В отношении невесты не волнуйся, ее здесь никто не тронет.

– Спасибо. Можно она будет при мне, так мне будет спокойнее?

Антонов пристально посмотрел на Евгения. В отличие от него, Антонову понравился стоявший перед ним офицер. Несмотря на его легкую хромоту, он сразу понял, что перед ним стоит человек чести, готовый сложить голову в борьбе с советской властью.

– Хорошо. Я не против этого, только поменяй ей юбку на штаны, а иначе мужики смеяться будут.

Евгений улыбнулся. Он был доволен тем, что Антонов разрешил ему взять с собой Сашу.

– Пошли! – тронув его за плечо, произнес Дмитрий, брат Антонова. – Я рад, что ты согласился служить под командованием моего брата.

– Я и черту был бы рад служить, лишь бы бить этих красных.

Они вышли из избы и направились вдоль деревенской улицы.

Варшавский посмотрел на Сашу и невольно отметил про себя, как хорошо она выглядела в новом наряде. Романовский полушубок черного цвета, отороченный белым мехом, серая кубанка, из-под которой выбивались вьющиеся русые волосы, галифе защитного цвета и аккуратные хромовые сапожки. На кожаном ремне, подчеркивающим ее тонкую талию, виделась кобура, в которой находился дамский пистолет.

– Как я тебе? – спросила она Евгения.

– Красивая ты, Саша. Может, сегодня останешься здесь? – предложил он ей. – Я не хочу рисковать тобой...

– Скажи, Евгений, чем я лучше этих твоих мужиков? У них, наверное, проблем больше, чем у меня. Многие имеют семьи, детей, родителей...

– Я не о том, кто и что имеет. Для меня намного важнее, кого и что имею я. Пойми, глупая девчонка, что для меня ты – все.

Она, взглянув на него, улыбнулась. Он помог ей взобраться на коня и, когда она натянула поводья, хлопнул его по крупу. Вскочив в седло, Евгений ударил шпорами коню в бока, и они медленно выехали со двора. Сотня их поджидала за околицей деревни. К нему подъехал казак.

– Что нового, Григорий?

– Небольшой отряд красных движется в сторону Васильевки. Туда вчера прибыл продотряд, мужики отказываются добровольно выдавать зерно.

– Выходит, решили их наказать, – произнес Варшавский. – Мужики! Там в Васильевке красные. Они отбирают хлеб у крестьян, обрекая их на голодную смерть. Им без разницы, умрут ли с голоду крестьянские дети и старики. Неужели мы дадим им вот так свободно обрезать людей на голодную смерть?

Мужики зашумели.

– Сегодня они отберут хлеб в Васильевке, завтра придут к вам. Чтобы этого не произошло, нужно уничтожить этот отряд и вернуть хлеб законным хозяевам.

Мужики вскочили на коней и стали строиться. До Васильевки было двадцать верст, и отряд Варшавского общей численностью в сто пятьдесят сабель двинулся по дороге. Легкий морозец сковал грязь, и кони шли легко, потряхивая гривами. Впереди показалась деревня.

– Всем спешиться! – приказал Варшавский.

Он рукой подозвал к себе казака.

– Григорий! Пошли в деревню разведку. Пусть узнают, сколько там красных и где они остановились. Атаковать будем, когда стемнеет. Костров не разжигать...

– Все понял, ваше благородие, – по старой привычке ответил Григорий.

Евгений присел рядом с Сашей на поваленное дерево.

– Тебе не страшно? – спросил он девушку.

– Когда ты рядом, я ничего не боюсь.

Он обнял ее за плечо и прижал к себе.

– Не надо, Евгений. Люди кругом, что они подумают?– ответила девушка, отстраняясь от него. – Неудобно.

– Через час начнет темнеть. Держись рядом со мной. Ты поняла?

– Да, – тихо ответила она. – Я не маленькая и все хорошо понимаю.

Варшавский достал из кармана шинели папиросы, закурил. Со стороны деревни послышалось несколько выстрелов.

Люди Евгения засуетились и бросились к лошадям, ожидая его команды. К нему подбежал казак.

– Ваше благородие! Вернулась разведка!

– Давай их сюда, – приказал Варшавский.

К нему подошли двое мужчин.

– В деревне продотряд. Их тридцать человек, один пулемет. С утра они уже собрали несколько подвод с зерном. Тех, кто отказывался добровольно сдать хлеб, они закрыли в амбаре. Их человек тридцать. Обещали утром расстрелять, если те не отдадут хлеб.

– Понятно. Григорий, берешь двадцать человек, и атакуете красных со стороны тракта. Мы зайдем к ним с тыла. Задача ясна?

– Так точно, ваше... – он не договорил, заметив осуждающие взгляды товарищей.

– Мы запалим вон тот стог с соломой. Увидите огонь или дым, это сигнал к атаке.

– Темно, ваше..., – казак снова осекся, – темно уже, дыма можем не заметить.

– Выстави наблюдателя. Он заметит.

Группа Григория вскочила в седла и через минуту-другую исчезла в темноте.

Копна, облитая керосином, вспыхнула моментально, окутавшись густым и белым дымом. Сразу раздались выстрелы, и конники Варшавского, размахивая шашками и стреляя из винтовок и обрезов, ворвались в село. Красноармейцы из продотряда явно не ожидали нападения и, вяло отстреливаясь, стали отходить к околице, надеясь на то, что темнота им поможет укрыться в лесу. Но в тыл им ударила группа конников под командованием Григория. Те, кто вовремя понял, что отступать уже некуда, стали бросать винтовки и поднимать руки. Другие же, которые этого не сделали, были порублены шашками.

Евгений стоял на крыльце дома, который когда-то занимал волостной староста. Около дома собрались все жители села. Варшавский приказал своим бойцам вернуть весь изъятый у крестьян хлеб, что вызвало у них ликование. Вдруг все затихли. К дому подвели взятых в плен красноармейцев.

– Что с ними будем делать, граждане крестьяне? – обратился к ним, Варшавский.

– Чего делать, чего делать? – выкрикнул женский голос из толпы. – Убить их, извергов, нужно. Я перед этим, что в папахе, на коленях ползала, просила Христа ради, чтобы он оставил нам хоть немного хлеба. Он же ударил меня нагайкой по спине и вымел из амбара все, до самого последнего зернышка.

Варшавский взмахом руки приказал, чтобы мужчину в папахе подвели к нему. Один из его бойцов схватил мужчину за ворот шинели и потащил его к крыльцу.

– Большевик? – спросил его Евгений.

Мужчина промолчал.

– Что, язык проглотил? Хотя мне все равно, кто ты. А вы? – обратился он к пленным. – Кто хочет жить? Чего молчите? Выходит, все готовы умереть за большевиков? Раз так, Григорий, повесить всех вот на этой березе.

Варшавский нагайкой указал на дерево, что стояло не так далеко от крыльца. Бойцы схватили пленных и потащили к дереву. Неожиданно один из них вырвался и бросился к Евгению. Он упал у его ног и громко закричал:

– Не убивайте! Я жить хочу! Это все он! – Пленный рукой указал на мужчину в папаше. – Это он большевик. Он был комиссаром у нас!

Пленного подняли с колен и снова потащили к дереву.

– Отставить! Отпустите его, – приказал Варшавский своим подчиненным.

Те отпустили пленного. Евгений подошел к нему и посмотрел в побелевшее от страха лицо пленного красноармейца.

– Хочешь служить трудовому крестьянству?

– Хочу!

Варшавский достал из кобуры «Маузер» и протянул его пленному.

– Убей большевика, – тихо произнес Евгений. – Выбирай, жизнь или смерть.

Пленный взял в руки оружие и направился к пленным, которые столпились у березы. Он остановился напротив них и поднял оружие. Евгений видел, как тяжело давалось это решение пленному. Рука его дрожала, но видно страх за свою жизнь переборол его моральные убеждения. Раздался выстрел, и мужчина в папаше повалился на мерзлую землю.

– Кто еще хочет служить трудовому крестьянству? – обратился он к пленным.

Из группы вышло еще три человека.

– Остальные, выходит, идейные. Бог с вами. Вы сами выбрали смерть.

Евгений махнул рукой. Вскоре все закончилось. Отряд Варшавского уходил из Васильевки, оставив за спиной качающиеся на ветру трупы повешенных красноармейцев.

Через три дня в село Васильевка вошла воинская группа Красной армии. Село словно вымерло, ни людей, ни лая собак. Красный командир в кожаной куртке, фуражке, несмотря на мороз, приказал согнать жителей села на площади. Именно на этом месте трое суток назад сотня Варшавского решила судьбу взятых в плен красноармейцев. Народ собирался неохотно. Многие жители, предчувствуя беду, пытались уйти из села огородами, не предполагая, что село было уже окружено красноармейцами.

Вороной конь под комиссаром, словно чуя кровь, раздувал ноздри и все время прятал ушами. Комиссар окинул взглядом понуро стоящих жителей, улыбнулся.

– Ну что, сволочи, не ждали? – обратился он к ним. – Наверное, думали, что закончилась советская власть?

Народ молчал, предчувствуя, что не все сегодня доживут до вечера.

– Вы на что рассчитывали, что вот так просто можете разделаться с властью? Нет, уважаемые мои! За все нужно отвечать!

– Это же не мы, – выкрикнул мужчина, стоявший ближе всех к комиссару. – Это антоновцы.

– А вы, значит, просто стояли и наблюдали, как эти бандиты вешали наших товарищей? Так, выходит?

– А что мы могли сделать? Их вон сколько, а нас?

Конь, словно понимая человеческую речь, был готов ринуться в эту молчаливую толпу и мять их копытами и рвать желтоватыми зубами.

– Если хотите жить, то вот вам час времени, чтобы собрали весь хлеб, который вернули вам антоновцы! Ровно час и ни минуты больше. Кто не сдаст, тот будет расстрелян, как саботажник и враг трудового народа. Время пошло.

Народ начал расходиться по домам. Комиссар соскочил с коня и, передав уздцы ординарцу, направился в дом. Вслед за ним проследовали еще несколько человек.

– Главная наша задача – это собрать хлеб, – произнес комиссар. – Город голодает. Если мы не выполним задачу, которую нам поставил губернский совет трудящихся, заводы встанут.

– Но хлеба, который мы здесь соберем, все равно мало. Им не накормишь город, – возразил ему высокий мужчина в буденовке.

– Ты прав, хлеба мало. Мы должны наглядно показать людям, что советская власть не намерена мириться с гибелью своих товарищей. Мы расстреляем здесь несколько человек, это в назидание другим. Пусть этот слух о расправе облетит ближайшие населенные пункты, другие будут более сговорчивыми.

– Задача ясна, товарищ комиссар, – ответил мужчина в буденовке. – Посмотрите в окно, вот и первые потащили мешки.

Комиссар посмотрел в окно. На площади появилась первая подвода, на которой лежали мешки с зерном.

– Это хорошо. Видно, они поняли, что мы шутить с ними не будем.

Жители все несли и несли мешки с зерном. Назначенный комиссаром боец записывал сдавших хлеб людей в тетрадку, и те заносили его в большой амбар. К вечеру село притихло, лишь красноармейские патрули бродили по улицам. Периметр села был плотно прикрыт красноармейцами с целью не допустить возможности кому-нибудь из жителей покинуть населенный пункт.

Утро следующего дня выдалось морозным. Дул сильный северный ветер, который словно хотел сорвать красное полотнище, что висело над крыльцом дома, где находился штаб красных. Комиссар вышел на крыльцо дома и, заметив ординарца, подозвал его взмахом руки.

– Пусть красноармейцы соберут жителей.

Ушло около часа, прежде чем площадь перед домом была заполнена жителями села. Комиссар вышел на крыльцо. Он окинул взглядом стоявших перед ним людей.

– Кто из жителей села ушел к Антонову? – произнес он громко. – Пусть выйдут вперед те, чьи мужья, сыновья сейчас у Антонова!

Народ замолк, только черные вороны внимательно наблюдали за ними.

– Вы что здесь все – глухие? Может, я не к вам обращаюсь? Может, вы русского языка не понимаете? – произнес он.

В его голосе звучала явная угроза, от которой крестьянам стало страшно. Толпа сжалась и стала похожа на плотно сжатый кулак.

– Молчите, суки, словно не слышите, о чем я вас спрашиваю! Хорошо, я все понял! Павленко выведи пятьдесят человек и закрой их в амбаре. Пусть посидят, может, кто-то что-то и вспомнит.

Павленко, высокий мужчина в кубанке с красной полосой, медленно шел вдоль толпы. Указывал кнутом то на одного, то на другого, и шедшие рядом с ним красноармейцы вытаскивали из толпы указанных командиром людей. Среди них были старики, женщины и подростки. Всех их погнали к амбару.

– Все остальные могут разойтись, – произнес комиссар, обращаясь к Павленко.

После полудня вновь по приказу комиссара красноармейцы выгнали жителей на площадь. Из амбара доставили арестованных. Они стояли перед комиссаром, переминаясь с ноги на ногу. Северный ветер гнал поземку.

– Что надумали, черти? – громко произнес комиссар. – Так кто из ваших соседей ушел к Антонову?

Люди молчали. Они жили в одном селе, все друг друга знали, и поэтому никто из них не решился на выдачу сведений об ушедших в армию Антонова. Это молчание раздражало и злило комиссара. Все его эмоции легко читались по его лицу, и это пугало крестьян.

– Молчите? Не хотите говорить, хотите быть хорошими, как перед соседями, так и перед советской властью? Не получится!

– Павленко! Выведи вот из этих десять человек. На возраст не смотри, – приказал он.

Тот вытолкал десять человек и подошел к комиссару, ожидая новой команды. Пошел снег. Сначала стали падать редкие снежинки, а через минуту повалили крупные хлопья.

– Кончай их, – ровным голосом произнес комиссар.

– Не понял, товарищ комиссар? – переспросил его Павленко.

– Что ты не понял? Я сказал, расстрелять, а остальных снова в амбар! И еще, пусть не трогают трупы.

Он развернулся и скрылся за дверью дома. Толпа словно застыла и пребывала в оцепенении, не веря услышанной команде. Красноармейцы, взяв винтовки наперевес, повели заложников в амбар.

– Чего стоите! Разошлись махом, пока вас не погнали прикладами! – громко выкрикнул Павленко.

Народ стал медленно расходиться, пока не остались на площади лишь те десять обреченных на смерть крестьян.

– К оврагу их! – скомандовал Павленко. – Командир отделения, ко мне!

К нему подбежал красноармеец и встал напротив него.

– Всех расстрелять. Оставить часового, чтобы местные жители не забрали тела. Приказ ясен? Выполняйте!

Группу повели к оврагу, который находился на окраине села. Снег шел такой густой, что в десяти метрах ничего не было видно. Конвой не заметил, как от группы отделился подросток и нырнул в кусты. Их подвели к оврагу и поставили лицом к красноармейцам. Только здесь командир отделения заметил отсутствие одного из арестованных.

– Где десятый? – спросил он двух красноармейцев, которые замыкали шедшую к оврагу группу.

– Бог его знает. Вроде бы никто не пытался бежать, – ответил пожилой красноармеец, – мы их не считали.

– А кто их считал? – передразнил его командир отделения.

– Сколько есть, столько и расстреляем. Одним больше, одним меньше...

Красноармейцы по команде командира отделения выстроились в ряд. Раздалась команда, и грянул залп. Испуганное воронье слетело с деревьев и с криками стало кружиться над оврагом. Заметив, что один из мужчин пытается подняться на ноги, командир отделения вырвал из рук красноармейца винтовку и вонзил штык ему в грудь. Мужчина, схватившись рукой за ствол винтовки, падая в овраг, потянул за собой и командира отделения. Тот не удержался на ногах и кубарем покатился по крутому склону оврага. Матерясь, он с трудом выбрался из оврага и, взглянув на веселые лица своих подчиненных, повел их обратно в село.

Варшавский сидел за столом. Перед ним стояла кружка с давно остывшим чаем. Полчаса назад к нему завели подростка, от которого он узнал, что в селе Васильевка отряд красных расстрелял десять крестьян, что арестованных они держат в амбаре, и, по всей вероятности, они тоже будут расстреляны, если не выдадут семьи тех, чьи ближайшие родственники ушли к Антонову.

– Саша! Напой паренька горячим чаем, а то он совсем замерз, пока добирался до нас, – произнес Евгений, разглядывая лицо стоявшего перед ним подростка, нос и щеки которого были явно поморожены.

– Сколько в селе красных? – спросил его Варшавский.

– Человек двести будет, да и кто их считал? У них два пулемета, я сам их видел, – выпалил паренек, не отрывая взгляда от чашки чая, стоявшей на столе.

– Ты попей чаю, а потом мы с тобой поговорим. Саша! Пригласи ко мне Панкрата.

Девушка накинула на плечи полушубок и вышла из дома. Вскоре она вернулась в сопровождении высокого мужчины в длинной кавалерийской шинели.

– Звал, командир? – обратился он к Варшавскому, снимая с головы папаху.

Он перекрестился на образа и, заметив жест Евгения, присел за стол.

– Саша! Отведи паренька к моему ординарцу. Пусть тот накормит его.

Когда девушка и паренек вышли из комнаты, Евгений закурил.

– Панкрат! В Васильевку вошли красные. Они отобрали все зерно, что мы раздали тогда крестьянам. Сегодня они расстреляли десять человек, требуя от жителей села выдать ушедших к Антонову. Сейчас в амбаре еще человек сорок, если мы их не освободим, то они их утром расстреляют.

Евгений замолчал. Он ждал, что ему ответит этот мужчина, ведь у него в этом селе остались жена и дети.

– Красных много? – поинтересовался он у Варшавского.

– Штыков двести при двух пулеметах.

– Двести человек в одном месте не разместишь. Следовательно, отряд красных ночует в разных избах, и если мы нападём ночью, то собрать их в один кулак будет довольно сложно. А вы как сами думаете?

Евгений усмехнулся. Он мысленно представил ночной налет, разбегающихся в разные стороны красноармейцев.

– Ударим рано утром. Народ у нас не слишком привык воевать по ночам, могут пострелять друг друга. Так что давай, иди, готовь людей. Выступим в шесть часов утра. О том, что пойдем на село, – ни слова.

– Понял, командир, – ответил Панкрат, надевая папаху.

Когда за ним закрылась дверь, Евгений достал из-под лавки ручной пулемет и положил его перед собой. Отстегнув диск, он достал цинк с патронами и начал набивать диск. В комнату вошла Саша. Она, молча, присела напротив Варшавского.

– Останешься здесь, – не поднимая головы, произнес Евгений.

– Почему? – спросила она его.

– Это очень опасно. Я не хочу тебя потерять.

На глазах девушки появились слезы.

– А как же ты сам?

– Я мужчина. Не женское это дело – война.

Он поднялся из-за стола и, сняв с гвоздя висевший полушубок, стал его надевать. Поправив на поясе кобуру с револьвером, он взял в руки шашку. Обнажив клинок, он вогнал его в ножны. Саша обняла его и крепко поцеловала в губы.

– Береги себя, Женя.

Он поправил серую каракулевую папаху, вышел из дома. Вскоре послышались голоса, топот копыт, и потом стало тихо. Она подошла к иконам, висевшим в красном углу комнаты, и опустилась на колени. Она стала молиться. Она просила Бога, чтобы он пощадил любимого человека. Услышав шаги в сенях, она поднялась с колен. В комнату с шумом вошел Александр Антонов. Поздоровавшись с ней, он прошел к столу и сел за него.

– Где Варшавский? – спросил он девушку.

– Ушел с отрядом на Васильевку. Там красные взяли заложников.

– Ушел, говоришь, а что тебя оставил одну?

– Не знаю. Я хотела с ним, но он заставил меня остаться здесь.

Антонов поднялся из-за стола и, гремя шашкой, вышел из дома.

Варшавский сидел в седле и ждал возвращения разведки. Было холодно, и даже овчинный полушубок не спасал от северного ветра. Он вытащил из кармана часы и, открыв крышку, посмотрел на циферблат. Стрелки показывали начало шестого утра.

– Панкрат! – подозвал он мужчину, который стоял около коня. – Где разведка?

Мужчина пожал плечами. Он и сам не знал, почему разведка до сих пор не вернулась из села.

– Может, они попались в руки к красным? – ответил Панкрат. – Думаю, что должны вернуться с минуту на минуту.

И, словно в подтверждение его слов, на дороге показались две темные фигуры, которые шли в их направлении.

– А вот и разведка, командир, – повеселевшим голосом сказал Панкрат. – Сейчас узнаем, что там.

Выслушав доклад разведчиков, Варшавский подозвал к себе Панкрата.

– Возьми людей и снимите их дозоры. Сделайте это без стрельбы и шума. Вот возьми, это ракетница. Когда все сделаете, дай сигнал ракетой.

Казак сунул ракетницу за ремень и, повернувшись, направился к своей группе, состоявшей в основном из донских казаков. Вскоре они исчезли в темноте. Время тянулось удивительно медленно. С каждой минутой тревожное ожидание становилось все невыносимей. Неожиданно послышались винтовочные выстрелы, а затем застучал пулемет. Стало ясно, что неожиданной атаке не суждено сбыться. Варшавский выхватил из ножен шашку и ударил коня шпорами. Конь заржал и встал на дыбы.

– Вперед! В атаку! – громко выкрикнул Евгений и первым устремился в сторону села, где гремела стрельба.

Он оглянулся назад, за ним устремилась конная лава его всадников. Первого красноармейца в белой натальной рубашке он достал шашкой, когда тот выскочил из дверей дома. Красноармеец поднял винтовку, пытаясь отразить удар, но сделал это неудачно. Шашка скользнула по металлическому стволу винтовки и угодила ему в шею. Он выронил из рук оружие и повалился на снег, окрасив его своей кровью. Небольшая группа всадников свернула на улицу, которая вела к центру села. Длинная пулеметная очередь сбила троих седоков из седел. Испуганные кони помчались вдоль улицы, но вскоре повалились на землю, убитые следующей очередью. В какой-то момент Варшавский понял, что лобовая атака села захлебнулась, что дальше атаковать – это лишь обречь людей на уничтожение.

– Спешиться! – громко скомандовал он.

Евгений соскочил с коня и бросился к саям, где лежал его ручной пулемет. Нашупав холодную сталь в сене, он схватил его и побежал в сторону улицы, где в снегу лежали погибшие его бойцы. Он лег на землю и, передернув затвор пулемета, дал длинную очередь в сторону дома, из которого, огрызаясь короткими очередями, бил пулемет. Похоже, Евгению удалось попасть, так как пулемет неожиданно смолк. Варшавский схватил пулемет и бросился с ним вперед, увлекая за собой своих бойцов. Пробежав около ста метров, они снова залегли, так как молчавший ранее пулемет снова начал стрелять. Судя по тому, что пули ложились перед цепью атакующих антоновцев, огонь вел довольно неопытный пулеметчик. Эта неточная и неприцельная стрельба позволила антоновцам еще приблизиться к зданию, в котором засели красноармейцы.

– Прикрой меня! – выкрикнул Евгений, заметив недалеко от себя Панкрата.

Тот кивнул головой. Варшавский вскочил на ноги и бросился вперед. Ему удалось пробежать с десятков метров, прежде чем по нему открыли огонь красноармейцы. Выхватив из кармана галифе гранату, он швырнул ее в открытое окно дома. Раздался взрыв, и пулемет

замолк. Потеряв два пулемета, красные стали отходить к околице села, ведя огонь из винтовок. Неожиданно в тыл им ударил отряд Александра Антонова. Бой вошел в новую фазу, в фазу истребления врага. Вскоре все было кончено.

– Спасибо за помощь, атаман, – произнес Евгений, подходя к Антонову. – Вовремя вы появились. Что будем делать с пленными?

В стороне стояла, сбившись в толпу, большая группа красноармейцев. Антонов посмотрел на них и, повернувшись к Варшавскому, громко произнес:

– Тех, кто согласен служить трудовому крестьянству, возьми к себе в отряд. Тех, кто откажется, расстреляй. Зачем они нам...

Расстреляв красноармейцев, не желавших влиться в отряд Варшавского, антоновцы покинули село.

Варшавский лежал на большой кровати, которую ему подарили бойцы его отряда. Где они ее нашли, он не спрашивал. Это был их подарок к его венчанию с Сашей. Этим вечером она лежала рядом, прижавшись к нему.

– Женя! – обратилась она к нему. – Ты веришь в нашу победу?

– Нет, – коротко ответил он ей. – Пойми меня, глупенькая, мы можем уничтожить отряд красных, но победить армию мы не в состоянии. Если мы ее два года назад не победили, то сейчас с этими мужиками разве можно победить?

Она с удивлением посмотрела на него.

– Тогда для чего это все: кровь, слезы, смерть?..

Он повернулся к ней. Она впервые увидела его таким. Лицо Евгения стало каменным, в глазах заплескал какой-то дьявольский огонь.

– Они отобрали у меня все, что было: отца, мать, дом, любовь... Я до сих пор не знаю, жива ли моя сестра. Я присягал императору, а присяга – это клятва в верности. Я сражался за веру и отчизну против тех, кто у меня все это отобрал. Я хорошо понимаю, что ничего этого уже не вернуть, я сейчас дерусь с одной целью: не хочу, чтобы они, эти хамы, жили в моем доме, топтали могилы отца и матери. Они разрушили все, чем я когда-то гордился, чем восхищался...

Он не договорил. Его ладонь, что еще минуту назад так ласково гладила ее плечо, вдруг сжалась в кулак. Он отстранил ее от себя и, протянув руку, взял портсигар. Достав папиросу, он закурил.

– Если тебе страшно, Саша, ты можешь уехать куда захочешь.

– Прости меня, – тихо прошептала она. – Куда я от тебя уеду? Ты мой муж, а я твоя жена. Мы с тобой как иголка с ниткой, куда игла, туда и нитка.

Она прижалась к нему. Евгений потушил папиросу и снова обнял ее. Саша для него стала своеобразной отдушиной, глотком воздуха в этом кровавом от войны мире, и он ее очень ценил и не представлял своей жизни без этой очаровательной девушки. Его прежняя любовь к Екатерине уходила из его жизни, оставляя после себя физическую боль в полученных в боях ранах. За окном тихо завывала вьюга, от воя которой он невольно вспомнил «ледяной поход» под командованием генерала Корнилова. Тогда, в такую же вьюжную ночь, его сотню атаковал отряд красноармейцев. В ту ночь они вынуждены были отступить, оставив в степи половину сотни убитых и раненых казаков, среди которых был его однокашник по юнкерскому училищу, с которым он был очень дружен в юности.

– Женя! Я боюсь за тебя, – тихо произнесла Саша. – Мне кажется, что в тебе живет два человека: один – добрый и ласковый, другой – смелый и жестокий.

Он усмехнулся.

– Саша! Милая моя девочка. Я жесток лишь к врагам, а с тобой я всегда буду нежными ласковым. Я люблю тебя, ты для меня – весь мир, без которого я не смогу жить.

– Я тебе не стала говорить, но ты несколько раз почему-то называл меня Катей. Кто эта женщина, именем которой ты меня называешь? Скажи, ты ее любил?

Варшавский посмотрел на нее. Ему стало как-то не по себе от ее слов. Он задумался, не решаясь ей рассказать о своей прежней любви. Наконец, немного подумав, он решил ей рассказать о Катерине.

– Мы жили рядом и детство провели вместе. Вернее, с ней дружила моя сестра Нина, и поэтому Катя часто бывала у нас. Окончив гимназию, я поехал в Москву и там поступил в юнкерское училище. Мы с ней не писали друг другу, я лишь через сестру узнал, что она спуталась с большевиками. Вновь мы встретились с ней в Казани чисто случайно. Ее преследовали жандармы, и она случайно оказалась в вагоне, в котором я ехал в Петербург. Я ее узнал сразу, однако меня она в тот момент не узнала. Если коротко, то я помог ей скрыться от ареста. Мы с ней проговорили всю ночь, и я тогда ощутил, что она мне небезразлична. Вскоре ее арестовали. Я через друзей в департаменте полиции добился свидания с ней.

Варшавский замолчал и посмотрел на Сашу. Прикурив папиросу, он продолжил:

– Не буду скрывать, мне ее было жалко. Она вышла ко мне бледная, беспомощная. Не знаю, Саша, может, мне тогда это все показалось. Я предложил ей свою руку и сердце. Эта была своеобразная лазейка, чтобы выйти из тюрьмы. Но она отказалась. Ты знаешь, что она мне ответила? Она сказала, что уже замужем за революцией. Я ушел, а ее осудили и сослали в Сибирь. Больше я с ней не разговаривал. Война разметала нас в разные стороны. Она стала большим начальником у красных, а я воевал у Корнилова, Деникина, а затем у барона Врангеля.

– Скажи, Женя, ты бы мог ее убить или нет?

Он усмехнулся вопросу Саши.

– У меня было несколько возможностей ее убить, но я не смог этого сделать. Почему? Я и сам до сих пор не знаю. Когда меня арестовали чекисты, я вновь встретился с ней. Думаю, что она могла тогда меня спасти, но, видимо, верность партии не позволила ей это сделать.

Варшавский затушил папиросу и задул керосиновую лампу. Комната погрузилась в темноту.

Евгения разбудил настойчивый стук в дверь. Он открыл глаза и посмотрел на спящую жену. Поднявшись с кровати, он направился к двери. Отодвинув щеколду, ладонью толкнул дверь. Перед ним стоял ординарец Антонова.

– Чего тебе? – спросил его Варшавский.

– Тебя батька кличет, – ответил ординарец.

– Где он сейчас?

– В Рассказове будет. Так что поспеши.

– Хорошо. Сейчас соберусь.

Евгений стал быстро одеваться. Саша открыла глаза и посмотрела на мужа.

– Что случилось, Женя? Ты куда это с утра собрался?

– Антонов вызывает.

Накинув на плечи полушубок, Варшавский вышел из дома. Сильный ветер ударил его в лицо. Он невольно поежился и глубже натянул папаху. Открыв ворота, он вывел коня из хлева и стал быстро запрягать его. Около дома остановились три всадника. Евгений ловко вскочил в седло. Он стегнул коня нагайкой, ударил его каблуками, и тот, словно ждал этой команды, рысью устремился к околице. Вслед за ним помчались и его охранники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.